

Читайте:

4 Геннадий МАЙОРОВ:

Долго будет Карелия сниться...

20 Наталия ЕЛИЗАРОВА:

«Наша задача помочь талантам»

8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА:

Впечатления моей жизни

22 Людмила АЛЕКСЕЕВА:

По живым страницам памяти

12 Аплодисменты юбиляру!

Виктор ЛИВЦОВ: По заслугам и честь

24 Ольга АРИСТАРИНА:

Полусловицы и оговорки

14-19 У нас в гостях поэты из Вологды: О.ФОКИНА, А. ЧЁРНЫЙ, П. ШИРОГЛАЗОВ, С. ПАХОМОВ, П. ТИМОФЕЕВ

28 Леонард ЗОЛОТАРЁВ:

Поэт, прославляющий жизнь

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Недавно мне довелось поучаствовать в дискуссии с важными персонами. Речь шла о молодёжи и о деградации общества в целом. Меня заверяли, что эти проблемы надуманы, приводили примеры активности и патриотичности молодых людей, ссылаясь на множественные форумы, в том числе на знаменитом Селигере. Что ж, я побывал там, уже после парадных речей и телерепортажей. Оказалось, что это закрытая зона, не для стороннего наблюдателя. А вот территорию вокруг довелось обследовать. Впечатления жуткие: от разрушенных старых храмов, заброшенных купеческих домов, запустения в целом. Впрочем, так и на остальных территориях центра России, где удалось побывать. И молодёжь там, мягко говоря, жалкого вида. От обласканных и подготовленных идеологически эти отличаются отсутствием оптимизма, потухшими глазами. Поголовное пьянство, потоки «левого» пошла, попросту убивающего подрастающее поколение, мат-перемат, изрисованные татуировками тела что парней, что девочек-глупышек... А их ведь миллионы. Об отсутствии элементарного воспитания и говорить не приходится.

В чём признаки современной деградации? По мнению учёных, изменились стереотипы поведения. Атрофируется чувство раскаяния, если в процессе коммуникации страдают другие люди. Грань между плохим и хорошим, врагом и другом теперь размывается. Чувство стыда едва теплится: можно стыдиться родителей, плохой одежды, бедности, то есть всего, что якобы унижает человека в глазах окружающих. Это эгоизм. Сожалеть о поступке и испытывать чувство вины за последствия, то есть думать о другом – вот чего стало намного меньше.

Человек – тоже животное, но лучше бы он им и оставался. Инстинкты не плохи, но сегодня мы как лабораторные мыши в руках ветеринара, испытывающего наши влечения и страхи. «Будь тем, кто ты есть, и говори, что чувствуешь!» – главный либеральный лозунг современного мира, лживый, как и его пропагандисты. Другая крайность – псевдопатриоты, националисты любящие рассуждать об очевидной заинтересованности власти в алкоголизации и наркотизации молодёжи как наиболее мятежной группы населения. При этом их рассуждения играют на руку тем, кого они якобы ненавидят. Действительно, алкоголики и наркоманы управляемы, это также эффективный способ сокращения населения...

Бездарна и пропаганда современных реформ, не только в России, но и в целом либеральных преобразований в мире. Семья, улица, школа, страна, мир – все уровни воздействия, неравнозначные по своей сути, в конечном итоге превращают детей в слепую биомассу. У верующих существует ёмкое понятие греха, как всего, что вредит человеку. Грех – это не просто поступок, а само желание осознанно коверкать свою природу. Для новых поколений нет истины и лжи, а добра и зла тоже не существует, потому что разницы между ними нет, значит можно всё... Печально.

№45' январь 2024

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталия Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.01.2024 г. Выход в свет: с 01.01.2024 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа

«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №45-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

12+

Продолжаем путешествие по регионам России. Наша страна великолепна, разнообразна в плане путешествий. Сегодня предлагаем заглянуть в Карелию, где чистейший воздух, отличная рыбалка и добрые отзывчивые люди...

ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ

Карелия мне интересна тем, что здесь служил мой отец Николай Семёнович Майоров, офицер-фронтовик. Он оставил об этом крае душевные воспоминания: здесь научился рыбачить, познавать таинства природы. Вот один из его рассказов о том времени.

ФОРЕЛЬ – РЫБА ЦАРСКАЯ

До того, как я попал на Карельский перешеек, считал себя рыбаком. С малолетства ловил рыбу. Много знал о ней. Во всяком случае, мог отличить ерша от окуня, пескаря от плотвы.

На перешейке много озёр и рек. И речушек уйма. Обзавёлся снастью и стал промышлять помалу. Один раз поймал приличную щуку. И стал хвалиться, естественно. Ну какой рыбак не расскажет о своём трофее. Некоторое время спустя появился у нас начальник артвооружения капитан Оранов. Слушал, слушал мои байки, да и говорит: «А ты царскую рыбу ловил?»

Что тут ответить?! Я и не знал такой, и в глаза не видел. Посрамлён был публично. Но любопытство своё берёт. Стал пытаться Оранова, что это за рыба, где водится и как её ловить. Он смилостивился и обещал свозить на ловлю форели.

Долго колдовали над снастью, а ночью поехали на мотоцикле в сторону Выборга на небольшую быструю речку. Вода в ней чистая и холодная. У нас по одной удочке с леской

0,3 мм, поводком 0,2 мм длиной 20 см. Крючок № 7. Мой капитан инструктирует: не шуметь, поплавок забрасывать из-за куста, после пойманной рыбы с этого места уходи – много шума.

Посреди речки лежит валун, вода омывает его с обеих сторон. Забрасываю выше по течению. Поплавок огибает камень и вдруг исчезает под водой. Я резко дёргаю, но ко мне возвращается леска с поплавком, но без поводка. Вот это да: и рыбу не увидел, а крючка нет! Поднялся повыше. Забрасываю. Поплавок делает круг и, когда почти подходит к берегу, резко ныряет вниз. Подсекаю и... опять остаюсь без крючка.

Иду к Оранову жаловаться, а сам недоумеваю: что это за диковина такая. Он меня вновь вразумляет и в этот момент подсекает рыбинку. По удилице видно, насколько она сильна и бойко ведёт себя на крючке. Минут пять-семь борьбы – и рыба на берегу. Вот она, красавица! Тело плотное, веретенообразное, спина тёмная, брюхо белое, тело украшено множеством тёмно-коричневых и красных кружков. Длинной примерно 25 сантиметров, вес где-то 200 граммов. А какая сильная!

Азарт взял меня. Пошёл искать своё счастье. К полудню поймал две штуки, поводков пять оборвал. Одна такое вытворяла на крючке! Это надо было видеть. Описать мои ощущения просто невозможно...

Вот за такие мгновенья, сильные ощущения я и люблю рыбалку. А форель... она многому научила. Это действительно царская рыба, и с ней надо на «вы».

Сортавала

Дороги Карелии

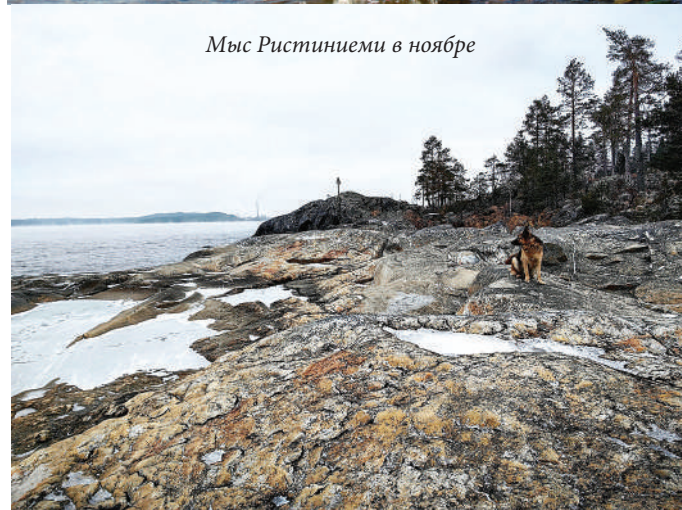
ВАЛААМ

Природный парк Валаамский архипелаг состоит более чем из 50 островов. Здесь расположены храмы, часовни, скиты. В монастыре до сих пор плодоносят удивительные яблоневые сады, известные с 1810 года.

Имя острова можно перевести с финно-угорского «валамо» как «высокая земля». Название связывают со славянским богом Велесом или Валаамом, библейским прорицателем о Христе. Существует предание, что апостол Андрей Первозванный взойшёл на берега Валаамского острова, благословил голые прибрежные скалы и установил на вершине каменный крест.

Мыс Ристиниеми в августе

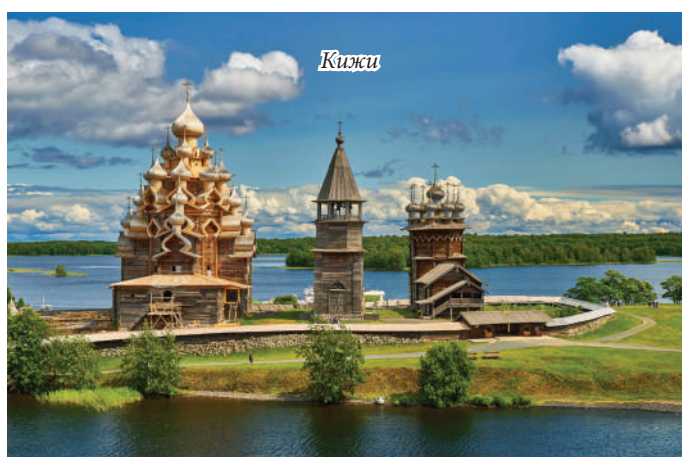

Мыс Ристиниеми в ноябре

Валаам – место для паломнических и туристических поездок. Сюда едут, чтобы узнать о богатой истории обители, услышать валаамское пение в храмах, пройти по заповедному лесу, увидеть панораму озера и причудливо извилистых берегов. Сосны, скалы, вода, тишина и... инфраструктура. Здесь всё хорошо организовано: экодорожки, туалеты, ручкомойники, кафе, специально оборудованные места для отдыха и перекуса, местная выпечка и обеды в монастырской столовой.

Карельские калитки – знаменитые пирожки в виде лодочек на тонком ржаном тесте с различной начинкой

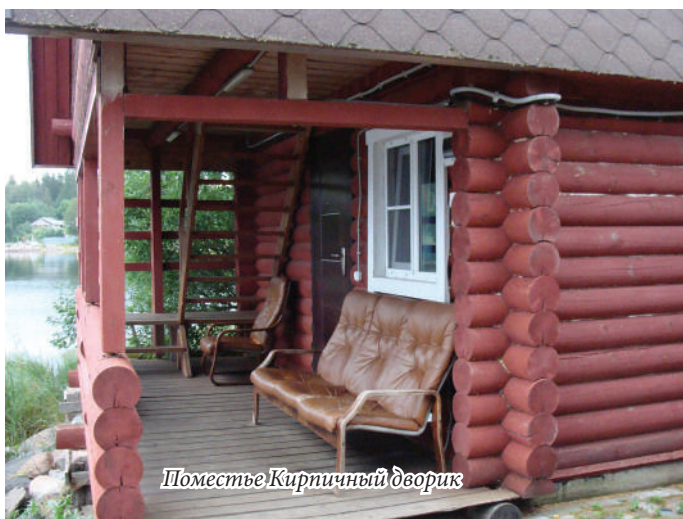

Кижы

Юляристиоя

Поместье Кирпичный дворик

ЛАДОЖСКИЕ ШХЕРЫ

Самые живописные скалистые островки озера составляют национальный парк Ладожские шхеры. «Шхеры» с норвежского языка – «скала в море». Почти 1000 скалистых островов расположены вдоль северного и северо-западного побережья. Они покрыты мхом или густыми таёжными зарослями и отделены друг от друга узкими проливами. Увидеть это чудо природы можно в составе организованной экскурсии. Водная прогулка вдоль архипелага подарит массу впечатлений и приятных эмоций.

Глубина озера от 50 до 233 метров, но много подводных камней. Без проводника в плавание лучше не отправляться.

ВОДОПАД КИВАЧ

Ещё одна природная достопримечательность Карелии – водопад Кивач (от финского *kiivas*, означает «стремительный»). Он находится на территории одноимённого заповедника на реке Суне. Каскад состоит из четырёх последовательных ступеней, расположенных в нескольких метрах друг от друга. С последней ступеньки поток воды падает в каменную чашу с высоты 11 метров. На территории заповедника есть дендрарий, музей камня, музей природы, тропа «1500 шагов в природу», кафе, туалеты.

Первые книжные упоминания о водопаде относятся к середине XVI века. Его называли северным исполином и олонецким чудом. В 1868 году Кивач посетил император Александр II и восторгался: «Картина удивительно хороша!» К его визиту построили дом-павильон с открытой галереей, с фасадом – копией павильона на Рейнском водопаде. Сейчас на этом месте смотровая площадка.

КЛИМАТ

Климат в Карелии неустойчивый, переходный от морского к континентальному. Близость к северным морям привлекает циклоны, приносящие в регион повышенную влажность и большое количество осадков в любое время года.

Весной карельская природа долго отходит от зимней спячки. В северных районах снег лежит до мая. В последний месяц весны днём градусник показывает до +8 °С.

Летом в Карелии нет изнуряющей жары, средняя температура до +20 °С. Июнь – время белых ночей и лучший период для семейного отдыха на природе. Июль – самый тёплый месяц в году. Иногда погода радует жаркими днями, до +35 °С. Тогда купаются и загорают не только карелы, но и туристы. В августе кратковременно, но часто идут дожди. Тогда наступает урожайное время для грибников и собирателей «царской» морошки.

Начало осени превращает Карелию в сияющую золотом и багрянцем волшебную сказку. В эту пору комары и гнус «улетают на юг», и прогулки по лесу доставляют истинное наслаждение.

Зима снежная и морозная, с температурой до -20 °С. С декабря по март здесь можно увидеть северное (полярное) сияние. Сравнительно тёплый декабрь (-6...-9 °С) сменяется холодным январём. Среднемесячная температура в это время колеблется от -10 до -14 °С.

ГОРНЫЙ ПАРК РУСКЕАЛА

Одной из самых известных достопримечательностей Карелии считают горный парк Рускеала. Так вышло, что к созданию парка большее отношение имеет человек, нежели природа. В карьере добывали мрамор для строительства Санкт-Петербурга. После окончания разработок остался котлован, который заполнила вода. Время превратило заброшенный карьер в атмосферное туристическое место.

Для туристов доступны каньон со скалистыми берегами и горным искусственным озером, парк камней, верёвочный парк, тарзанка, утёс Екатерины II, подземное озеро с подсветкой, грот, а также пешеходные, водные (на катерах и лодках) и подземные маршруты.

Любителям экстрима понравится полёт над озером на зип-лайне. В парке много смотровых площадок с завораживающими видами.

Рядом с Рускеалой есть возможность осмотреть знаменитые водопады Ахинкоски (Ахвенкоски), которые находятся в 5 км от парка. Расстояние от Петрозаводска до Рускеалы 259 км. Расстояние от Сортавалы до Рускеалы 32 км. Самый оригинальный вариант поездки от Сортавалы до парка Рускеала – это ретропоезд «Рускеальский экспресс», оформленный в стиле времён «Николаевского экспресса».

Вам непременно расскажут как здесь снимали советский фильм «А зори здесь тихие». И вы сможете пройти дорогами главных героинь военной киноленты.

Фото Татьяны Григорьевой, Наталии Елизаровой, Геннадия Майорова и из доступных источников

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (Продолжение. Начало в №40)

***

Чем глубже я вникала в заводскую жизнь, тем больше убеждалась, какое широкое поле действий в этой огромной и сложной машине. Одна мысль порождала другую. Видя же со стороны мужа сочувствие, я кипела желанием осуществить задуманное. Обстоятельства сами меня на всё наталкивали.

Кроме семейных рабочих, на заводе было множество подёнщиков, холостых рабочих, бездомных, заезжих людей. Большой частью они кормились в артелях, отпускавших им зачастую недоброкачественную пищу, так что многие предпочитали сухоядение где-нибудь под забором, вредно отзывавшееся на их работе и здоровье. Тогда я задумала народную столовую, в которой за малую плату рабочий получал бы здоровый, свежий стол, горячее кушанье, где бы мог обогреться и отдохнуть. Это мне вполне удалось.

Я понятия не имела об организации народных столовых. Как-то зимой, в бытность мою в Петербурге, я разговорила с женой градоначальника, госпожой фон Валь, у которой был большой опыт в этом деле, так как она заведовала несколькими столовыми на Васильевском острове. Узнавши, что я интересуюсь этим, она пригласила меня посетить

такую столовую и там показала мне устройство и дала очень подробные и полезные объяснения. Когда же я сказала, что собираюсь тоже устраивать столовую, она рекомендовала мне свою заведующую, личность очень опытную, работавшую уже много лет у неё на этом деле...

Потом надо было завести всё необходимое: кухню, ледники, помещение для заведующей и ее помощницы. Выстроив специальное здание для этой цели, я предложила устроить в нём дежурства с тем, чтобы контролировать заведующих. Тут мне очень пригодились некоторые заводские дамы. Перед открытием столовой я объехала всех знакомых дам, прося их помочь мне в этой задаче, предлагая им установить очередное дежурство по две на каждую неделю, чтобы следить за доброкачественностью провизии и доброосвестностью отпускаемых порций.

К большому удивлению, многие из них откликнулись на мой призыв, и дело, таким образом, прочно установилось. Между нами завязались добрые отношения, некоторые заставили меня забыть мои первые впечатления, другие же зато окончательно их укрепили.

Когда я приехала приглашать жену И., я застала у неё во дворе весьма забавную сценку. Отворив калитку, я увидела множество жирных кур, лениво греющихся на солнце. Посреди двора, в никогда не просыхающей луже, сочно шлёпали в грязи утки, а в настезь растворённое окно глядела неимоверно откормленная корова, залезшая мордой почти до самых плеч в кухню. Перед нею стояло корыто, в которое дородная кухарка ежеминутно что-то бросала. Корова, как оказывается, проводила в этом окне всю жизнь, в поле её никак не удавалось загнать. Куда бы её ни прогнали, она покидала стадо и вскачь возвращалась к заветному окну. В этом окне, как видно, огромные оклады хозяина, доходившие до пятидесяти тысяч в год и более, отражались на всём дыхании!..

И. отказалась принять участие в моём деле и, жеманничая, объявила, что ей "нельзя"... Что "нельзя" и почему – я не дала себе труда выяснить, да и она, кажется, не поняла, чего я от неё хочу. Эта жирная кукла была способна только производить детей и есть. Впрочем, это тоже своего рода деятельность и даже большая роскошь.

В результате при столовой осталась небольшая кучка дельных, очень полезных женщин...

В день открытия был торжественно отслужен молебен милым, симпатичным отцом Михаилом Азбукиным, после чего мне рабочими была поднесена икона Богородицы. Рабочие входили в столовую вначале робко, поодиночке, потом, расхрабрившись, вваливались толпами и усаживались за трапезу, предлагаемую в этот день бесплатно. В присутствии всего заводского персонала с жёнами мне пришлось подать пример. Народу было много, надо было как можно скорей обслуживать гостей, рук не хватало. Тогда я, засучив рукава платья, принялась за дело сама и стала подавать гостям кушанья, носясь из кухни в столовую с чашками, наполненными щами и кашей. Следуя примеру, мои помощницы принялись дружно мне помогать. Тут я оценила хозяйственные способности госпожи М., оказавшейся одной из самых деятельных участниц этого дела. Машина была пущена в ход.

В здании столовой была устроена хорошенькая сцена, а позади её несколько уборных. По воскресеньям там часто давались представления приезжими актёрами, фокусниками и акробатами. Иногда также устраивались любительские спектакли.

Из отчётов за первый год видно, что за этот год продано было 175 000 порций щей, столько же каши, 72 000 порций чая – и всё в таком роде.

Эту столовую впоследствии я передала благотворительному обществу, почти в то же время основанному, и уговорила князя сделаться в нём председателем, – я боялась отчётности и никогда не любила цифр.

* * *

В один из наших бесконечных, постоянных споров с П., Г. и мужем, в пылу обвинений, я провела, сама того не сознавая в ту минуту, одну мысль об улучшении быта рабочих. Доказывая как-то, что пагубно для нравственности сожительство нескольких семейств в одной квартире, я сказала: "У вас столько свободной земли вокруг завода. Вам давно бы следовало расселить рабочих, уступив им земли по найму или на арендном пользовании. Построиться они сумели бы и сделались бы вечными и верными, коренными вашими работниками". Эта мысль привела в восторг всех директоров. Им как раз предстояли постройки новых казарм для рабочих, места не хватало, а завод всё увеличивался. Я удостоилась похвалы, меня назвали "умницей".

В скором времени этот план стал приводиться в исполнение. Рабочим, каждому семейству, отрезалось по четверти десятины, на двенадцать лет, по пяти рублей в год, в арендное пользование. Посobie на постройку выдавалось от двухсот до пятисот рублей, в зависимости от рода и продолжительности службы рабочего на заводе.

Вначале понемногу, а потом вёрстами потянулись домики с садами, огородами, обнесённые заборами. Было отрадно и успокоительно ехать этими просторными слободами. В окнах домов, то с красными, то с белыми занавесками, виднелись горшки с цветущими растениями, в садике красовались пышные георины, на огородах рдели круглые рожи подсолнечников. В праздник на крылечках и балкончиках мелькали трогательные семейные сценки: отцы нянчили ребят, дальше – играли на гармонике и плясали в праздничных платьях или целым обществом сидели за самоваром. Всё, что было забито, обезличено казармой, на свободе разом пробудилось, приняв жизненную, нормальную форму. Проявились индивидуальности, личный вкус, заговорили человеческие потребности в уютной, чистой обстановке.

Эти колонии даже в смутное время 1905–1906 годов оказались самым консервативным элементом. С ними не было никаких неприятностей.

* * *

Между тем мы переехали в хотылёвский дом. Он был уже окончен и величаво красовался на высоком берегу Десны, среди густой зелени столетних лип, ярко белея на солнце. В конце живописного партера, перед балконом, была выстроена величественная лестница из дикого камня, ведущая двумя широкими спусками к реке. У пристани от сильного стремени весело колыхались хорошенькие белые лодки.

Хотылёво сделалось неузнаваемым, всё в нём преобразилось, похорошело. Через глубокие живописные овраги были переброшены каменные мосты, соединявшие части сада. В огромном фруктовом саду были разбиты широкие дорожки, обсаженные крыжовником и всеми сортами ягод. В квадра-

тах между дорожками росли яблони, сливы и груши. Всё кругом дышало изобилием и красотой.

А там, внизу, далеко на просторе, среди пышных лугов, плавно протекала красавица Десна, мягкими изгибами всё дальше и дальше маня за собой очарованный глаз...

На самом высоком месте крутого берега я построила павильон с широкой верандой и в час заката любила приходиться любоваться чарующим зрелищем. Картина оттуда была захватывающей красоты, то поднимавшая в душе безмолвную молитву, тихую, бессознательную грусть, то сладко будившая воображение с порывом страстной любви к моей родине. Никогда и нигде за границей я не переживала подобных ощущений, нигде душа моя не умела так трепетать. Только одна русская природа почти до слёз волновала во мне умиленное сердце трогательной безыскусственной красотой.

Наш хотылёвский сад доходил с одной стороны почти до самого села, состоявшего из ста сорока зажиточных дворов. За оградой сада, почти напротив церкви, прежний владелец не нашёл ничего лучшего, как построить кабак и сдавать его в аренду на выгодных условиях. По праздникам, бывало, оттуда часто доносились до нас пьяные песни, а иногда шум заправских побоищ; в особенности же там бывало буйно, когда в деревню с завода приходили хозяева на побывку. Мужики хотылёвского села почти все работали на заводе, в деревне оставались одни бабы, одни справлявшиеся на полях. Им было и невдомёк похлопотать о школе, начальство же считало это, по-видимому, излишней роскошью.

Когда я предложила крестьянам устроить школу, они хором отказались, говоря, что им её не надо. Несмотря на их отказ, я превратила кабак в хорошенькое одноклассное народное училище, и в первое время пришлось почти силой тащить туда ребят. Но мало-помалу, разными хитростями и конфетами, детей приучили к школе. Школа принялась, пустила корни, и в скором времени я услышала от родителей искреннее спасибо, которое было мне лучшей наградой.

Жизнь моя приняла такой неожиданный оборот, во мне сразу проснулась с такой неудержимой силой энергия и инициатива, что всё задуманное вчера, на следующий день уже приводилось в исполнение. Я не чувствовала себя и ничего не видела кругом, кроме дела и людей, исполнителей моих планов. Деятельность моя была бурным ключом. Одним из этих исполнителей, незаменимым по быстроте и сметливости, был заводской подрядчик М.И. Кучкин. Однажды по приезде в Хотылёво я заметила ему, что в моё отсутствие он поставил людскую баню слишком близко к саду и далеко от берега, что затрудняло удобное снабжение водой из реки. Выйдя на другое утро в сад, я ахнула от удивления: баня, совершенно готовая, переехала с одной усадьбы на другую, пока все в доме спали – ни шума, ни крика мы не слышали. Это положительно был фокус, на который только он один был способен. Я много имела с ним дела, и всё, что было предпринято мною на заводе, он исполнял удивительно быстро, схватывая на лету, с полуслова, мою мысль.

Четыре года кипучей деятельности, полные осмысленного труда на заводе, пролетели, как сон. Мне даже всегда было очень жаль уезжать на зиму в Петербург, отрываясь от дела. Не только я уже не боялась завода и его обитателей, но он стал дорог мне, как место моего крещения, как поле брани, где я отличилась и мне удалось стяжать славу, развернуться, выполнить все заветные мечты. А главное, что удовлетворяло моё самолюбие, – это сознание, что, придя туда последнею, после двадцатилетнего существования завода, мне

удалось создать то, что давно уже должно было быть сделано. Гордость брала меня от сознания, что судьба отметила меня именно для этого. Я относилась к своему назначению с каким-то набожным чувством избранницы, до глубины души благодарная судьбе за выпавшее на мою долю счастье.

Взглянув на заводских деятелей с другой точки зрения, точно просветлённая какой-то мудростью, скользя по их недостаткам, я научилась пользоваться положительными сторонами этих людей и, всматриваясь в каждого из них, сообразно с этим руководилась в делах. Я, наконец, научилась с ними говорить.

Меня очень поражало то, что люди, живущие одними интересами, служа одному делу, в общем, могут быть так далеки друг от друга. Общественной жизни на заводе не существовало, и только мужчины где-то собирались небольшими кучками, чтобы пить и проигрывать нажитое. Женщины там просто скучали: пожилые сиднем сидели дома и жирели, а молодые развлекались как могли, выкидывая всевозможные скандалчики на романической почве, питая умы остальных небывалыми сплетнями. Мне захотелось сплотить это общество, упорядочить отношения, внести в него оживление.

Раз я спросила жену доктора Ижевского, хотела ли бы она потанцевать. Зардевшись, она призналась мне, что умирает здесь от скуки. Это была молодая, недурненькая женщина, а таких на заводе было много.

Я надумала устроить для служащих клуб, и эта мысль была принята с восторгом всем заводским обществом. Таким образом, жёны, страдающие постоянно от отсутствия мужей, могли бы быть с ними по вечерам под одной крышей, уравновешивая их невольную неумеренность к питью и игре. Барышни-невесты могли знакомиться и встречаться с молодыми людьми на нейтральной почве, а мужьям предоставлялось радоваться, что жёны их заняты танцами или картами, а не чем-либо иным.

Опять возник вопрос, где найти помещение. Предшественник И. покинул завод после крупной неприятности, и его поместительный дом, выстроенный с большим вкусом, чем наш, с большим садом, оставался после него незанятым и долго пустовал. Я уговорила мужа уступить мне этот дом для устройства в нём общественного собрания.

Закупив в Петербурге обстановку, посуду и всё необходимое, князь выхлопотал утверждение устава. Были назначены выборы старшин, после чего состоялось и открытие.

Утром в этот день было отслужено молебствие, а в девять вечера состоялся бал. К означенному часу всё бежицкое общество было налицо. На подъезде клуба меня с мужем встретили старшины и председатель И. с букетом. Он собрался что-то сказать мне, но вдруг запнулся, задумался, склонил голову на одно плечо и, комично махнув левой рукой в пространство, решился наконец сунуть мне букет.

В зале собрались дамы, с которыми я стала здороваться и знакомиться, с некоторыми из них я ещё не была знакома, а М., явившийся в сопровождении служителей с налитыми бокалами шампанского на подносах, провозгласил тост, за ним другой, третий, покрываемые громкими "ура". В передней разместился оркестр, составленный из рабочих. Раздались первые аккорды вальса.

Музыканты играют, а я смотрю – посреди залы никого, танцующих нет как нет. Дамы сидят вдоль стен, а кавалеры толпятся в дверях. Вижу, что-то плохо, видно, дело за мной – мне следует начать и тут тоже самой подать пример. Решилась попросить одного из знакомых мастеров пройти со

мною тур вальса. Действовали мы с ним на совесть, но, к ужасу моему, мы были одни посреди залы. Так всё время одни и протанцевали. Никто не пошевелился.

Я задумалась, чувствуя, что здесь какая-то загвоздка, но какая? Не на меня же будут смотреть весь вечер? Ведь этак можно умориться – не могу же я одна за всех внести оживление. Заинтригованная, я стала расспрашивать, и что же оказалось? На что я натолкнулась? Оказалось из разговора с некоторыми дамами, что они, как жёны, дочери и сёстры крупных деятелей, настолько высоко стоят на общественных ступенях, что "не могут" танцевать с подчинёнными мужей и родственников, с людьми, с которыми они "не знают" в обыкновенное время. На мой вопрос, почему она не танцует, одна из них отвечала мне: "Я люблю танцы, но с кем же танцевать? ведь никого нет!.." А в зале чуть ли не триста человек. Те дамы, которые приняли участие в народной столовой, были все из местной заводской "аристократии", но на заводе трудно подобрать людей одинаковых условий: всё кто-нибудь да будет выше и по жалованью, и по занимаемому месту. Все они принадлежали к одной среде: вчера – помощник, завтра – мастер, а потому претензии эти показались мне бессмысленными. А ещё смешней то, что дамы оказались "незнакомыми" между собой и, глядя друг на друга с высоты своего величия, делали вид, что видятся в первый раз, вероятно, позабыв, что ещё утром толкались по базару, перебивая одна у другой поросят и кур... Пришлось пуститься на хитрости в этот вечер, чтобы как-нибудь побороть эту глупость.

Разыскав И., я принялась объяснять ей, что она здесь хозяйка, что ей надо подать пример, быть со всеми приветливой, простой, ровной, что достоинство её от этого нисколько не пострадает, что, когда я уеду, обязанность сплотить общество будет лежать на ней, не только как на жене директора, но и председателя клуба. Я долго, красно говорила, с убеждением в голосе, доказывая, какую бы большую роль она могла сыграть, каким звеном оказалась бы в этом расширенном обществе, приводя ей в пример культурные отношения между собой служащих заграничных заводов, где умеют и хорошо работать, и дружно веселиться. Она слушала меня, хлопая глазами, и объявила, что она "не может". Тогда я повернула к ней спину и с тех пор, кажется, никогда больше не имела случая с ней говорить.

Другие дамы, которых я увещевала, видимо, прислушались к моим словам, а в душе, может быть, и соглашались. В сущности, им до смерти хотелось пуститься в пляс, глаза и щёки у них так и горели, но глупая фанаберия мешала начать первой, каждая ожидала и поглядывала, что делает другая.

А музыка всё играла. Тут я решилась на последний шаг. Уговорив одну из учительниц, показавшуюся мне пошустрей, мы принялись с ней танцевать со всеми кавалерами, не спрашивая, умеют ли они или нет, кто они, что делают на заводе. Я так подряд и перебрала всех, падая из одних объятий в другие, делая с каждым один, два тура. Вдруг я вижу – мои дамы поднялись, и спустя немного в зале уже нельзя было повернуться.

Обхватив дам не за талию, а за спину у самых лопаток всей раскрытой пятернёй, кавалеры оставляли своим танцоркам на платьях огромные тёмные пятна, усердно отбивая каблуками куски паркета и носясь с головокружительной быстротой, захлёстывая пыльными юбками всех сидящих у стен зрителей. Хорошо ли, худо ли – всё потом заплясало. Жара становилась тропической. Оживление всё росло, а после ужина и обильных горячительных пустились в пляс са-

мые положительные, весь вечер пропадавшие и, вероятно, обновлявшие карточные стоны. Даже муж разошёлся. Покинув зелёное поле и подхватив в пути какую-то обомлевшую худышку, он стал как-то на цыпочках, с согнутыми коленями, уморительно вертеться, чем вызвал кругом безумный взрыв смеха и шумное веселье, уже до конца вечера не покидавшее общество. Мои случайные кавалеры ни минуты не давали мне покоя. Я решила выдержать до конца и никому не отказывать.

В эту ночь мы уезжали в Талашкино и к четырем часам должны были быть на станции. Наше развеселившееся общество так разошлось, что все бросились нас провожать, густой толпой окружив коляску, так что мы шагом наконец прибыли на железную дорогу. В ожидании поезда снова появилось и полилось шампанское с бесчисленными тостами, чоканьями и громкими криками "ура". К поезду был прицеплен для нас особый вагон, и, пока происходили маневры, из вагона высовывались взъерошенные, заспанные и даже испуганные головы пассажиров, разбуженных нашей шумной, пёстрой и очень взвинченной компанией, заполнившей всю платформу. Пожиманиям рук и выражениям всевозможных нежных чувств не было конца. Казалось, что вот-вот мы все упадём в одну кучу братских объятий. Наконец, при громких криках "ура", наш поезд тронулся, и я упала в изнеможении на диван. От утомления и пережитых впечатлений я не сомкнула глаз до утра. Потом мы узнали, что, проводив нас, все вернулись в клуб и до утра продолжались танцы, питьё и бурное веселье. Тогда же, в тот вечер, было положено просить у меня портрет, который я им дала, и он до сих пор висит в зале клуба.

* * *

Ещё одна крупная реформа была проведена на заводе, в которой я приняла деятельнейшее, живейшее участие: из когтей общества была вырвана торговля, эта хищническая нажива посредством монополии. Завод помещался в центре огромной земли в три тысячи десятин, принадлежавших целиком Бежицкому акционерному обществу. Монополия при этих условиях процветала всюду: лавки, пивные, винная торговля – всё было в руках общества, налагавшего на всё свои цены и законы. Рабочим выдавались "квитки", которые они обменивали в лавках на товары. "Квиток" – это бумажка, в нём нет физиономии, и рабочий легко и необдуманно тратил своё жалованье, не считаясь, что "квиток" – те же деньги. Часто он забирал больше, чем мог себе позволить, и влезал в долги. Это была прямая ловушка, в которую попадали бесхарактерные люди. Рабочим, задолжавшим в лавке, отпускался залежалый, некачественный товар, и ни протестовать, ни переменить поставщика было невозможно, так как только заводские лавки обслуживали завод. Идти же в Брянск за покупками было нельзя – пропадал рабочий день. Жить далеко от завода в лучших условиях было затруднительно, поневоле приходилось подчиняться существующему положению дел.

Я застала завод в полном его расцвете, и в ту пору одна лавка с красным товаром давала обществу чистой прибыли более двухсот тысяч рублей в год, не говоря уже о мясной, пивной, бакалейной и других. Я считала это чистейшим грабежом и, хорошенько изучив вопрос, вникнув во всё, серьёзно задумалась, как помочь делу. Задумала я потребительское общество: каждый рабочий получал бы здоровую, свежую провизию, доброкачественный товар, а в конце года на свой пай известный процент.

Давно, давно я подбиралась к этому вопросу, подвигивая на то мужа, но тут уж не только И., а всё петербургское правление, директора завода, все, все без исключения сделались нашими ярыми противниками, став горой против этой реформы. Мы с мужем остались совершенно одни. Мне же страшно хотелось провести это дело. Оно было сложное и трудное, приходилось считаться со множеством людей, борющихся за свою шкуру, с пеною у рта отстаивающих свои проценты и интересы. Всеми силами души я поощряла мужа не уступать, поддерживая его в этой борьбе. После массы затруднений вопрос в принципе был решён, и в конце года утверждён устав нового общества. Первыми пайщиками вошли в дело муж и я, за нами потянулись рабочие массами.

Возникли чисто практические вопросы: как и где устроить торговлю. Заводские лавки продолжали действовать, а мы явились для них конкурентами. Правление сделалось глухо, рассчитывать на уступку каких-либо помещений было невозможно: директора завода, заведующие лавками, а с ними и приказчики были взбешены. Что-то ускользало из их рук такое лакомое, с чем они не могли без сожаления расстаться. У всех были недовольные лица, чувствовалось, что где-то собираются сильно ворчать, наверно, злословят. Но муж был не такой человек, которого можно запугать надутой физиономией, к тому же он был председателем правления, то есть главой всего дела.

Строить лавки на заводской земле не имело смысла, кроме того, потребовались бы огромные деньги, а нанять подходящие помещения было негде. В конце концов я нашла выход из этого затруднительного положения, попросив мужа уступить все наши хозяйственные постройки при бежицкой даче. Таким образом, в одной половине каретного сарая поместилась мясная, в другой – мясная торговля, из конюшни вышла огромная бакалейная, а в большом флигеле расположились красные товары с готовым платьем.

Монополия вина и пива тоже была вырвана у завода. Заводская пивная была сдана в аренду за четыре, а винная лавка за десять тысяч рублей в год. Доход с этих четырёх лавок поступал в пользу бежицкого общества.

После тяжёлой и трудной борьбы все наши усилия увенчались полным успехом, и через некоторое время было торжественно отпраздновано основание нового общества, в первом же году давшего большие доходы и хороший процент на пай. Пришлось И. и компании нехотя взять тоже по паю и улыбаться для виду, чтобы в глазах рабочих остаться популярными и не потерять авторитета.

У меня радостно, чудно было на душе... Радостно, когда в день открытия потребительского общества рабочие поднесли мне хлеб-соль, радостно, когда на другой день, провожая нас в Петербург, те же рабочие дружной толпой подкатали своими руками наш вагон и, тысячами сбежавшись на станцию, горячо, единодушно приветствовали нас восторженными, нескончаемыми кликами. Радостно было смотреть им прямо в глаза, с сознанием выполненного долга, так радостно, что дух замирал, плакать хотелось...

Я узнала потом, что в заводских лавках стали добросовестнее, товар начали отпускать незалежалый, и цены стали нормальной – что и требовалось доказать.

Покидая завод, я оставила, кроме моего ремесленного училища, шесть благоустроенных и специальных школьных зданий, в которых обучалось тысяча двести ребят. С уходом мужа из Бежицы я отказалась от попечительства в этих школах.

Виктор Анатольевич ЛИВЦОВ – член Общественной палаты РФ, заслуженный работник культуры РФ, доктор исторических наук, профессор, кавалер ордена Почёта, почётный гражданин Орловской области, член Союза российских писателей отметил своё 65-летие.

Он автор более 250 публикаций, автор более 10 книг по истории, краеведению. По итогам ежегодного областного конкурса «Орловская книга» дважды награждался дипломами губернаторов Орловской области в номинации «Самая читаемая книга»: за учебник «История Орловского края» и путеводитель «Орёл – Орловское Полесье». Лауреат Второго Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие» Российского Фонда мира. Награждён орденом Св. Сергия Радонежского 3 степени, орденом св. Даниила московского 3 степени...

Поздравляя юбиляра, вспомним лишь некоторые эпизоды его бурной общественной деятельности за последние месяцы.

Международная конференция

В Орловском государственном институте культуры состоялась Международная научно-практическая конференция «Патриотическое воспитание в современных социокультурных условиях: проблемы, реалии, традиции, инновации, перспективы».

В работе конференции приняли участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики Чжан Ханьхуэй; Депутат Парламента Республики Молдова Диана Караман; Депутат Государственной Думы, заместитель председателя Комитета по вопросам семьи, женщин и детей

Мария Владимировна Дробот, представители профессорско-преподавательского состава вузов Республики Беларусь, Российской Федерации, детских общественных объединений, учреждений общего и дополнительного образования.

В рамках пленарного заседания выступил и Виктор Анатольевич Ливцов, доктор исторических наук, профессор, член Общественной палаты Российской Федерации, председатель комиссии по культуре, развитию образования и науки Общественной палаты Орловской области, Почётный гражданин Орловской области.

Встреча с Президентом

В Музее Победы на Поклонной горе в Москве в заключительный день итогового форума ОП РФ «Сообщество» российский президент Владимир Путин провёл встречу с членами Общественной палаты восьмого созыва. В форуме также принял участие член Общественной палаты РФ, представитель Общественной палаты от Орловской области, заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) Виктор Ливцов.

Член Общественной палаты РФ Виктор Ливцов и председатель Общественной палаты Орловской области Сергей Ступин

В ходе встречи Президент РФ обсудил с членами Общественной палаты причины возвращения исторических земель страны. Во время своего выступления Владимир Путин коснулся внешнеполитических вопросов, событий в Дагестане, также говорил об экономике России и независимости.

Отдельно глава государства поблагодарил общественников за сотрудничество с фондом «Защитники Отечества», за работу о семьях военнослужащих и людях, которые получили ра-

нения в ходе специальной военной операции и проявлении активной гражданской позиции.

Как отметил представитель Общественной палаты от Орловской области Виктор Ливцов: «встреча прошла в искренней, доброжелательной и деловой атмосфере. На встрече Президент Владимир Владимирович Путин открыто, просто и конкретно ответил на многие вопросы и обратил внимание на ключевые проблемы стоящие перед нашим Отечеством».

В Москве состоялась торжественная церемония вручения премий памяти митрополита Московского Макария (Булгакова) в области гуманитарных наук 2023 года. Церемонию возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

По заслугам и честь

По традиции мероприятие прошло в конференц-зале президиума Российской академии наук.

После торжественного открытия Святейший Патриарх Кирилл наградил лучших исследователей в области истории России, Русской Православной Церкви, православных стран и народов, исторического краеведения, а также христианской археологии и искусства. Кроме того, отмечены достижения учёных в популяризации научно-исторических знаний и вклад в достоверное изложение истории.

Благодарственной грамоты Макариевского фонда удостоен доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС), руководитель отдела Орловской епархии по взаимодействию с представителями государственной власти и общества, заслуженный работник культуры России **Виктор Ливцов**. Грамотой фонда Виктор Анатольевич отмечен за значительные научные достижения.

Награду орловскому историку вручил митрополит Ташкентский и Узбекистанский **Викентий**.

*Фото: Сергей Власов
/фотослужба Патриарха Московского и всея Руси*

Заместитель директора Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС) Виктор Ливцов награждён грамотой Макариевского фонда

Он зажег Вечный огонь

На школе № 3 имени А.С. Пушкина открыли памятную доску полному кавалеру Ордена Славы уроженцу города Орла Михаилу Матвеевичу Бычкову

На здании школы № 3 города Орла имени А.С. Пушкина была открыта мемориальная доска кавалеру ордена Славы уроженцу города Орла Михаилу Матвеевичу Бычкову, которому сегодня бы исполнилось 100 лет. Памятная доска была предоставлена Российским военно-историческим обществом.

На церемонии открытия выступил заместитель директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, заместитель председателя регионального отделения Российского военно-исторического общества доктор исторических наук, профессор, член Союза российских писателей Виктор Ливцов. Он рассказал о жизненном пути Михаила Матвеевича.

Михаил Матвеевич Бычков родился 21 ноября 1923 года в

Орле в семье рабочего. До войны работал на орловских заводах им. Медведева и «Текмаш». Воевал с августа 1943 года. На фронте был наводчиком станкового пулемёта, потом командиром пулемётного расчёта в 447-м стрелковом полку 397-й стрелковой дивизии. Трижды ранен.

5 августа 1963 года вместе с маршалом Советского Союза И.Х. Баграмяном в сквере Танкистов города Орла перед памятником Михаил Матвеевич принял участие в зажжении Вечного огня.

После церемонии открытия памятной доски на воинском кладбище сотрудниками школы и представителями регионального отделения Российского военно-исторического общества к могиле Михаила Матвеевича Бычкова была возложена корзина цветов.

Ольга ФОКИНА (1937 – 2023)

Ольга Александровна Фокина родилась в Архангельской области, во время войны потеряла отца. После школы окончила медицинское училище, работала фельдшером. В 1957 г. поступила в литературный институт, позднее вместе с ней учился Николай Рубцов. В марте 1963 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый поэтический сборник поэта «Сыр-бор» с предисловием Бориса Шергина, а в июне Ольга Александровна вступила в Союз писателей СССР. Осенью этого же года она переехала жить в Вологду. В 1976 г. за поэтический сборник «Маков день» ей присуждена государственная премия РСФСР имени Горького. Главные темы поэзии Ольги Александровны: родная земля, природа, судьба России, её удивительные люди. Мало кому известно, что именно Ольга Александровна Фокина — автор стихотворения, на которое написана известная песня «Звёздочка моя ясная». К нашему большому сожалению, пока готовилась эта публикация, автор ушёл из жизни.

***

Двадцатое августа. Плотный туман
Окутал округу.
Похоже, что мне не попасть ко грибам
Ни полем, ни лугом.
Хоть землетрясением росу отрясай!
Травой, как рекою
Брести, ведь травы не касалась коса
Лет десять...

Такое

Вокруг запустенье, беспутье, бедлам!
Рискнёшь не смириться,
Шагнёшь – и навеки останешься там,
Опутан метлицей.
Так было на днях: на задворках, вблизи
Родной деревушки
Старушку ложок заманил, увязил –
Не стало старушки.
Не мне ль эту новость вчера рассказал
Глава поселенья?
...Спасибо, глаза! И туман! И роса! –
Живу без соленья.

***

А вдоль дорожки цветут ромашки,
А над ромашками – мотыльки...
А ты, белея распаш-рубашкой,
Несёшь волнушки из-за реки.

А я сторожко другой дорожкой –
Через крапивный ташусь бурьян,
В репейных брошках, в кусачих мошках,
Не без свежайших царапин-ран.

Тебе – волнушки, а мне – шиповник,
Ты – в лёгких кедах, я – в сапогах...
И до чего ж мы с тобой не ровня:
Ты – просто ангел!.. А я – яга.

Хочу исчезнуть, пропасть, пригнуться,
Таясь травинкой меж травных пут,
Но с наречённым – не разминуться:
Репьи-шиповники не спасут...

ПОДСНЕЖНИКИ

Рос мальчишка далеко не неженкой,
Матери, отца совсем не помнил,
Помнил он пожары, толпы беженцев,
Мертвецов, которых не хоронят,

Виселицу помнил там, на площади.
При нужде умел, хоть и не вор был,
Из-под носа утащить у лошади
Ячменём наполненную торбу

И машину, бешено летящую,
Мог догнать и намертво вцепиться
В жёсткий борт, чтоб привезти на кашницу
Под рубашкой пригоршню пшеницы.

Рос мальчишка далеко не неженкой,
С малолетства зная лишь потери.
Не терпел ни нытиков, ни вежливых,
В доброе добро совсем не верил.

И не шутки ради, а сознательно
Жёг себя, упрямо стиснув зубы.
Он и солнце делал истязательным,
Наводя на кожу через лупу.

Знал, как все дружки его вихрастые,
Изрезаясь в кровь осколком банки –
Будут пятки осенью распластаны
Льдом куда больнее, чем стеклянкою.

Приходил в порезах и царапинах,
Плакала над ним, склоняясь, бабка,
А мальчишка только зябко вздрагивал,
В камешек сжимался, но не плакал.

Рос мальчишка далеко не неженкой,
Но чего не встретишь в царстве сонном!
И приснились раз ему подснежники,
Синие бубенчики со звоном.

Будто бы бежал он к ним сутробами,
Силою неведомой влекомый,
Листьями какими-то особыми,
Запахом до радости знакомым!

Словно издеваясь над мальчишкой,
Бил, царапал, жёг его шиповник
И в лицо плевали сосны шишками,
Будто бы мальчишка был разбойником.

И на снег упал он обессиленный,
Не способный больше к обороне,
А подснежник с глазоньками синими,
Словно, как живой, мальчишку понял.

Стебельком качая над сугробами,
 Сам пришёл к мальчишке близко-близко
 С листьями, как руки папы, добрыми,
 С голосом забытым, материнским:

"Милый, твои ножки не устали ли:
 Сыт ли ты? Твои рубашки чисты ли?"
 "Мама!" – И подснежники растаяли.
 "Папа!" – Ни бубенчиков, ни листьев.

Только ветер где-то хлопнул ставней,
 Только бабка охнула тревожно.
 С той поры и вовсе дома стало
 Удержат мальчишку невозможно.

Следом за апрельскими ветрами
 Убегал за город в одиночку.
 Снег в лесу раскапывал руками,
 Каждую обшаривая кочку.

Он искал подснежники, конечно,
 Синие бубенчики со звоном,
 Чтобы пережить любовь и нежность
 Наяву, как в дивном царстве сонном.

Солнце всё сильнее припекало,
 Ручейки текли из-под ладони,
 А когда и снега не осталось,
 Нет таких цветов – мальчишка понял.

Жизнь мальчишке показалась горше,
 И себя мальчишке стало жалче.
 Слезы покатались, как горошины,
 На мальчишкин хлеб – сосновый пальчик.
 Всё, он больше чудесам не верит!
 Он уйдёт из сладостного плена!
 Слишком велика его потеря,
 Чтобы можно ей найти замену!

Только всё ж на солнечной опушке
 Он, вздохнув, набрал цветов букетик,
 Чтобы дома спрятать под подушку
 Голубые, простенькие эти.

Горсть цветов, наверно, безымянных
 Он сорвал бездумно и небрежно.
 Ни к чему мальчишке имена их,
 Не под снегом, значит не подснежники,

Значит не звенят они, не пахнут,
 Листьями мальчишку не помянут...
 Он не знал, как дружно дома ахнут,
 На него, расстроеного, глядя.

Он не знал, что дома, как шальные,
 Прямо к потолку его подбросят,
 Что ему простят все-все вины его,
 Где он был, что делал он, не спросят.

"Наш любимый, добрый, наш упрямый!" –
 Две шинели брошены на стуле.

Руки папы, губы, голос мамы...
 Кончилась война! Они вернулись!

И у этой неизбывной ласки
 Быть в долгу мальчишка не захочет,
 Он подаст цветы не без опаски:
 "Господи, подснежники!
 Сыночек..."

***

Не без причуд на белом свете,
 Не без придумок и затей:
 Гражданка на велосипеде
 Везёт зараз троих детей.
 Молодший – спереди на раме,
 Постарше двое – уцепясь
 За сёдлышко поближе к маме,
 Грозь, того гляди, упасть.
 Поток машин – попутных, встречных!
 Ад перекрёстков... Мать, очнись!
 Ты можешь деток изувечить,
 Свою – под шины бросить – жизнь!
 ...Везёт.

В детсад? В больницу? В школу?
 К заботной бабушке? Как знать!
 Осенний день не так уж долог.
 Чуть утро, – надо поспевать:
 Поднять, умыть, одеть, да кашу
 Сварить да сдобрить молоком,
 Да не забыть про кошку Машу,
 И всё – бегом, бегом, бегом!
 Скорей – сама! Скорее – дети!
 ...Скрипит-кряхтит велосипед,
 Но терпит: он за них в ответе,
 У них другого друга нет.

***

И до глубинной деревеньки
 Дошли раскол и передел:
 У вас – всю ночь считают деньги,
 Мы – без гроша и не у дел.

Вы натянули шапки лисьи,
 И шубы волчьи вам – к лицу,
 Мы – воспитали, вы – загрызли,
 Мы – на погост, а вы – к венцу.

Такое звёзд расположение,
 Таких «указов» звездопад:
 Вы – в господа, мы – в услуженье
 Да на работу без зарплат.

На вашей улице – веселье:
 Еда – горой! Вино – рекой!
 Святые звёзды окосели,
 Смущаясь вашу гильбой.

У вас всю ночь огонь не гаснет,
 У нас – ни зги во всём ряду:
 На нашей улице – не праздник.
 Но я на вашу не пойду.

Антон ЧЁРНЫЙ

Родился в 1982 году в Вологде. Учился на филфаке вологодского университета и в институте печати в Петербурге. Литературовед, переводчик немецкой, английской и нидерландской поэзии, редактор многотомного книжного проекта «Поэты Первой мировой». Лауреат премии АНТНОЛОГИА (2019). Стихи публиковались в журналах «Арион», «Новый мир» и других изданиях, выходили тремя отдельными книгами. Живёт в Ростове-на-Дону.

* * *

Вновь календарик кончается мой.
Циферки время обводит.
Главное в жизни приходит само.
Так же оно уходит.

Дети, родители, речи, места —
Всё, что волна приносила.
В этом бессилии есть красота,
Горечь, скрытая сила.

Шелест бумаги. Нездешний свет.
Даты перекидные.
Что ни листок – добрый совет
Передают родные:

Как всё на зиму закатать,
Вывести желчный камень,
Как прощаться и как прощать –
Всё своими руками.

* * *

Сослани на дачу «Науку и жизнь».
Томами Дюма и Бестужев-Марлинский.
И гнутся под грузом умов исполинских
Дощатые стеллажи.

Ночами роса. Отошли комары.
И можно беспечно сидеть на закате,
Размытой фигуркой на старом плакате,
Собой нижний угол закрыв.

Наукой невзрачности овладей,
И будет неважно осокам и совам,
Какими мелками ты здесь нарисован
На время, до первых дождей.

В мерцании красоты
Объявлен сезон исчезания звука.
На полках безмолвствуют жизнь и наука.
Безмолвствуй и ты.

* * *

Об этом мальчике скучаю только я.
Он видел ветер, наблюдая воробья,
И, злые трещины в асфальте обходя,
Читал по запаху названия дождя.
Сперва напуган, а теперь уже сердит,
Он в темноте моей на стульчике сидит.
Не находя его в мелькании картин,
Об этом мальчике жалею я один.

Но иногда под Новый Год и Рождество
Я вижу ветер и предчувствую его.

* * *

На даче засиделись до утра
И закопали два письма в бутылке:
Самим себе словесные посылки,
Отправленные будто бы вчера.

За жидким чаем длился разговор,
И поместилось в этом разговоре,
Как в приоткрытом временном просторе,
Всё, что случилось с нами с этих пор.

Ты и себе листочек оторви,
Пускай послужит старая тетрадка,
И напиши: о тягостной и сладкой,
Несбыточной мучительной любви.

Прошло неторопливо двадцать лет.
К нам годы мимоходом прикоснулись.
Мы за бутылкой так и не вернулись,
Давно в земле её затерян след.

И всё плывёт, плывёт она, легка,
Недвижно – издавна, издавека.
Два романтических серьёзных сопляка
Сидят за чаем. Всё это так близко.
В моих руках ответная записка:
«Любовь сбылась. Любовь была сладка».

* * *

Так в среднем мире сновидений
При повороте медленных зеркал
Являются возлюбленные тени,
Чей след я наяву искал.

Затопленная паводком округа.
Сырые срубы незнакомых дач.
Я дожидался умершего друга
Под линией электропередач.

Заросшие бурьяном перекрёстки.
Холодные лесистые холмы.
Места переменялись, как напёрстки,
И неожиданно столкнулись мы.

То ли направо было, то ли прямо,
А он своё твердит: «Не уходи.
Я только в смерть сейчас схожу за мамой.
Я быстро. Погоди».

Павел ШИРОГЛАЗОВ

Павел Широглазов – поэт, член Союза писателей России, член Российского фольклорного союза. По профессии – кукольник, режиссёр и актёр передвижного кукольного театра «ЕТИШКИНА ЖИЗНЬ». Публиковался во многих печатных изданиях, включая журнал «Наши современники», «День поэзии», «Невский альманах», «Вологодский лад», «Тамбовский альманах» и многие другие. Живёт и работает в городе Череповце.

* * *

Всё, что сказано было доньше – враньё:
Сотни лет из пустого в порожнее.
Я из всех в мире слов выбираю своё:
Со своим самоваром надёжнее.
Сколько б жизнь не отвесила мне кренделей,
Проживу без медалей и почестей:
Всё равно эта женщина будет моей
В неотступном моём одиночестве.
Всё, что сказано было доньше – враньё:
Сотни лет из пустого в порожнее.
Я однажды готов умереть за неё.
Не просите, чтоб жил осторожнее.

* * *

Что со мной? Предвкушение грусти
В позолоте церковных оправ.
Мне уютно в своём захолустье:
В акватории северных трав.
Что за мной? Не следы, а поступки
И бездонные хляби стиха.
Я себя собирал по скорлупке
И скрипел, как лесная ольха.
Боже мой, как же дышится вольно,
И зарядка подходит к нулю.
Даже тех, кто мне делает больно,
Я по-прежнему очень люблю.
Что с собой? Далека ли дорога?
Сколько правды в дорожной пыли?
Что со мной? Ощущение Бога
В каждой пригоршне русской земли...

ПОЧТАЛЬОН

Не следи за мной в четыре глаза:
Все равно избавлюсь от «хвоста»,
И скупая матерная фраза
Осквернит блаженные уста.
Стану я, как фреска на фасаде,
Украшать стороннее жильё.
Обнищаю духом Бога ради:
Я теперь небесный почтальон.
Ковыляю с кожаным баулом:
Адресатам письма разношу,
Но у света белого под дулом
Ничего другого не прошу.
И назло житейским оплеухам,
Вопреки неровностям судьбы,
Я живу и здравствую по слухам,
А одышка – это от ходьбы.

* * *

Наташе Мелёхиной

За деревьями – деревня, а в деревне никого,
Только звёзды растекаются по крышам.
Отмахнувшись от неправды задубевшим рукавом,
Я в морозном звоне Господа услышал.
Вместо тёплого местечка – сырость тёмного угла,
Вместо стриженных газонов – бездорожье.
Только вера и спасала: помогала, как могла,
И оправдывало душу слово божье.
За деревьями – деревня, а в деревне только я:
Здесь берёт начало всё моё наследство,
Это бабушкины сказки, это родина моя,
Это в памяти оставшееся детство...

Сергей ПАХОМОВ

Сергей Пахомов родился в 1964 году в городе Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор четырёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: "Арион", "Новый Мир", "Нева", "День и Ночь", "Сибирские Огни", "Север", "Лад вологодский", "Волга", "Плавучий мост", "Литературный Иерусалим" и др. Живёт в деревне Мерёжа Вологодской области.

ПЕРЕСВЕТ И ЧЕЛУБЕЙ

Я искупил отчизну кровью –
 Лежу в объятых лебеды,
 Державе долю проча вдовью.
 Погребены мои следы,
 Сухие выклеваны очи,
 Меч не сечёт, не бьет копьё,
 И только холод, только ночи...
 И вороньё... и вороньё...
 Со мной (ручищи пораскинул)
 Былинный витязь удалой.
 Мой кровный брат? Мой друг старинный?
 Убей – не помню! Бурой мглой
 Нас оплела трава густая,
 И, заполняя пустоту,
 Я постепенно прирастаю
 К его могучему хребту.

ОТЧИЗНА

С налётом болотного ила во мне обитала душа:
 Любить не умела, чадила, как в засуху цвет камыша –
 Но ладил я с нею неплохо – пороки в чаду не видны –
 Сердца разбивая дурёхам, не чуял за это вины.
 Одной из ненужных любовей немая Отчизна была,
 Всё льнула ко мне, по-воловы глядела и слезы лила.
 Я взял её в дом – пусть, мелькая, отвадит охотниц других,
 К тому же сгодится такая надраивать мне сапоги,
 Труху выметать из амбара, по грязным сусекам скрести...
 Скребла. И меня, деловара, в дверях поспекала крестить.
 Забот безобразною свалкой её удостила жизнь.
 Отчизны мне было не жалко – да мало ли в мире Отчизн?
 Но как-то неистовым летом душе окаянной назло
 Я выпросил сердце поэта... Багряной улиткой ползло
 С небес одинокое солнце, я ждал, чтоб уйти навсегда,
 Последнего блика в оконце. Но, словно живая вода,
 Отчизны чарующий голос – любовью и кротостью свят –
 Я слышал, как во поле колос и звёзды над кровлей звенят...

ГОРНИСТ

Октябрь надвигается храбро – могильное солнце страны.
 Упавшие яблоки с яблонь в траве неопрятной видны.
 Я здесь – я не дым, не химера, и, в злой вовлекаюсь кураж,
 Мне вторят, как в Зимнем эсеры, сограждане:
 «Отче, не наш!»
 Я лихо горланил «Орлёнка», горнил на заре в купола –
 За то пионерка Алёнка мне душу в залог отдала.
 Бомжихой потом в преисподней –
 в подzemке на старой Сенной –
 Стояла она и на взводе сипела о доле иной.
 Не вспомнил сначала, но дробью мурашки по телу. Горнист,
 Дудел я в бараках за Обью, зардевшись от ленинских искр,
 И в Дантовом круге, зубами сжимая расплавленный горн,
 Где лавы кровавое знамя немело в расщелинах гор, –
 Ничто не тревожило, сроду не знал я сомненья атак.

Не помню, на чай или воду я сунул старухе пятак
 И смутною тенью неловкой побрёл осмотреться в раю...
 Во след прошипела Алёнка: «Верни, с., душу мою!»

КАТЕХИЗИС

Что происходит в небе синем, когда приходит туча злая,
 Из кубка ветреной богини дожди на землю проливая?
 Что возникает гулкой ночью, едва от берега отчалишь
 И след от лодки словно прочерк в строке неведомой печали,
 И осень в траурной одежде, и спящей коклей
 в стебле тонком
 Луна?.. Я с дедушкой прежде ловил, подматывая донку,
 На коклю рыб разнообразных. Теперь под этой же луною
 Я опускаюсь, несуразный, как в печь полено ледяное,
 В мир, где то холодно, то жарко, где,
 вопреки опасным догмам,
 Огонь души моей неяркий льнёт к закрывающимся окнам.
 Касаюсь дерева в порезах, звезды над ласточкиной крышей,
 Скользя то в бездну, то над бездной,
 как обезумевший Всевышний.

Кружатся листья монотонно, покоя не давая стёклам, –
 Их участь жалка, но резонна, их кровь,
 как сваренная свёкла.
 Я оживаю после спячки, жду вдохновенья истомлённо –
 В норе барсучьей иль хомячьей,
 как будто в печке раскалённой.
 Мне безразлично: жить до смерти,
 жить после смерти, после после...
 Я клею марки на конвертик – апостол рядом держит весла.

* Кокля – личинка насекомого, выживающая зимой в стебле травы (местн.)

СТАРАЯ ЛОУХИ

Помню, как-то почтенная финка мне чудную варила уху:
 Караси – то ли золото инков, то ли медные листья на мху.
 За окном постепенно смеркалось,
 пререкались лягушки в пруду,
 Облака (или так показалось) пеленали ночную звезду.
 Будто клавиши фортепиано, чёрно-белая стайка сорок
 Из-под рук молодого тумана упорхнула и села на стог.
 Слабый треск фитиля, бормотанье, я колодой у края стола...
 Над избою цвело мирозданье, на душе непогода цвела.
 Финка Лоухи (ведьма, похоже) мяла
 грубыми пальцами соль:
 «Что глазеть-то? Испробуешь, может,
 что такое старушечья боль?»
 Твёрже камня бумажная пачка! Не прожать, не согнуть,
 как горбыль...
 Финка вздрогнула, сонно кудахча, соль,
 растёртую в белую пыль,
 Подала мне, как перстень молодка:
 «Не противься моей ворожбе –
 Только слижешь с ладони щепотку,
 лёд великий растопишь в себе».

Павел ТИМОФЕЕВ

Павел Тимофеев родился в Крыму в 1970 году. С 1975 живёт в Вологде. Автор поэтических сборников «Сказки энского леса», «Ванна в отеле» (1997), «Луна и чайник» (1999), «Капли из крана» (2002), «Кругами», «Русский рэп», «Ну и чё» (2010), вышедших в вологодском самиздате. Неоднократно печатался в вологодских периодических изданиях и альманахах, а также участвовал в теле- и радиопередачах. В 2020 году получил звание "Король поэтов" на одноименном конкурсе памяти И. Северянина в Череповецком музейном объединении во Владимирове.

СКАЗКА ПРО ДВУХ ИНДЕЙЦЕВ

Может случиться, что посреди
Города, даже пусть небольшого,
Один индеец на своём пути
Вдруг повстречает индейца другого.

На тротуаре неловко стоять
И они, присев на одном из газонов,
Выкурят трубку, чтоб поболтать
Про охоту, прерии и про бизонов.

Беседу начав со стандартных слов
И оборотов вполне приличных,
Они узнают через икс часов,
Что они из племён радикально различных.

Различен крой их мокасин,
Различен способ постройки каноэ,
Разведенья огня, плетенья корзин,
Различно одно, различно иное.

К тому ж, племена их ведут войну,
Причину которой найти невозможно,
И один у другого украл жену,
Которую тот подставил нарочно...

В общем, встретиться они в родных местах,
Представляли собой бы тогда два трупа,
Но здесь чужой город, на чужих верстах
И враждовать здесь довольно глупо.

И они уходят во мрак ночной
И, обнявшись, поют про индейское лето,
А я – отправляюсь к себе домой,
Чтоб поскорей записать всё это.

ВО СЛАВУ ВСЕГО...

Я прошёл много вёрст и почувствовал: что-то не так.
Я достал свой компас и не различил стрелы.
Огляделся вокруг в надежде увидеть мрак,
Но стоял ясный день без какой либо мутной мглы.
Я вдохнул поглубже, в надежде учуять гарь,
Но воздух здесь оказался на редкость свежим.
Всё стало внезапно понятным, простым, как букварь.
Оставалось быть лишь внимательным и прилежным.

И вот я внимаю, в надежде услышать шум,
Но в меня проникает тихий небесный хор.
Я заглядываю в сердце, пытаюсь напрячь свой ум,
Но внутри всё спокойно. Блаженство сочится из пор
Моей кожи. И я, наконец, обретаю мир,
Словно варвар косматый, впервые попавший в храм.

Я сажусь на обочине, извлекаю вино и сыр
Во славу всего, что здесь, и возможно, того, что там.

ЗАВЕТНЫЙ ДЕНЬ

Когда душа рыдать устанет
От мелких ссадин и обид,
Когда заветный день настанет
И благодать сердце озарит,

Когда страстей ослабнут струны
И снова ощутишь, что жив,
Что мир надземный и подлунный
До невозможности красив,

Когда порвёшь соблазнов сети,
Когда пройдёшь сквозь тёмный лес,
И никаких чудес на свете,
А свет – есть чудо из чудес,

Тогда уйдёт моя усталость,
С лица спадёт сомнений тень.
Сказать о том – такая малость,
Но только не в заветный день!

КОЛЯ

Каникулы. Напрочь забыты уроки.
Мы вышли к реке без забот и тревог.
Казалось, что мир сам ложится под ноги
И в мире немало прекрасных дорог.

– Я буду министром.
– Я буду артистом.
– А я с балансиром
ступать по канату.
– Я буду над миром
летать космонавтом.
– А я моряком побываю повсюду.
А Коля сказал:
– Я просто буду.

На красное солнце наплыли вдруг тучи,
И мы поспешили обратно домой.
И каждый считал, что он станет круче,
И каждый забрал это солнце с собой.

Один стал шофёром.
Другой стал суфлёром,
А третий побрёл
в третью ходку на зону.
Четвёртый орёл
приобрёл Форд Аскону...
И каждый добился, насколько старался.
А Коля? Он так у реки и остался.

Наталья ЕЛИЗАРОВА: «Наша задача - помочь талантам»

Московский поэт Наталья Елизарова – человек, знакомство с которым – счастье. Талант, помноженный на характер, неповторимое женское обаяние и незаурядные организаторские способности... Очень хорошо, что в нашем литературно-столичном Орле есть нечто притягивающее к себе людей творческих, интересных, готовых делиться дарованной свыше энергией...

— Наталья, у вас очень насыщенная, плодотворная, яркая творческая жизнь: книги, переводы стихов на другие языки, выступления, творческие вечера. Скажите, какие события или решения определили вас как писателя?

— Мне кажется, это такой взгляд из соцсетей. На самом деле я очень медленно пишу и довольно редко выступаю на публике, поскольку считаю, что поэтический текст должен восприниматься глазами, а не на слух, то есть быть прочитанным в журнале или книге. Что касается причин работы со словом, то я всегда была диковатым ребёнком, не разделяющим интересов сверстников, а из книг можно было почерпнуть много нового и полезного. У современных детей для этого есть интернет, поэтому и интерес к книге снижен. Если говорить о событиях, то мне в жизни очень повезло с людьми: я встречала и встречаю много активных, творческих, заинтересованных людей, которые поддерживают мои инициативы и помогают мне достигать тех или иных целей и результатов, становятся моими друзьями и соратниками. Это люди из писательского, научного мира и даже из мира спорта.

— Чем запомнился 2023 год?

В этом году случилось важное для меня событие: вышла первая книга прозы «Озеро» (Издательство «3-е ИЮЛЯ») при поддержке Министерства культуры РФ. Когда-то давно, когда я заканчивала Литературный институт им. А.М. Горького, председатель экзаменационной комиссии, литературовед Андрей Михайлович Турков сказал, что хорошо бы повесть «Озеро» была опубликована с предисловием известного прозаика Анатолия Васильевича Королёва, ведущего творческий семинар в институте. Анатолий Васильевич не был моим мастером, но радушно принимал меня на своём семинаре, за что я ему очень благодарна. И вот спустя пятнадцать лет книгу с одноимённым названием и предисловием А.В. Королёва можно подержать в руках. Это, конечно, долгий срок. За это время вышло два поэтических сборника – в Белграде и в Москве – и три книги для детей. Последняя – «Где твоя птица?» (Издательство «Чёрная речка», редакция Аси Петровой «Волки на парашютах») — тоже этого года, но текста там минимум, это короткие фразы со звукописью для детей, которые только учатся говорить.

— На Орловщине родилось более 100 писателей. Многие воспевали её на страницах своих произведений. Судьба так сложилась, что вы очень многое делаете для Орла и орловской литературы. Как произошла ваша творческая встреча с регионом? Какие проекты счастливо воплощены, реализуются и планируются?

«Вернись на родину, душа!»

Всероссийский просветительский проект Союза российских писателей

Иван Алексеевич БУНИН
(22 октября 1870 – 8 ноября 1953)

Всероссийский литературный конкурс,
посвящённый 130-летию со дня рождения К.Г. Паустовского

Николай Семёнович ЛЕСКОВ
(16 февраля 1831 – 5 марта 1895)

Леонид Николаевич АНДРЕЕВ
(21 августа 1871 – 12 сентября 1919)

Желтужное озеро

— Впервые я побывала в Орле в 2011 году проездом. В 2020 Орловское региональное отделение Союза российских писателей пригласило меня на мероприятия, связанные с юбилеем Ивана Бунина, которого я очень люблю, в том числе как поэта. В Орле мне нравится представлять атмосферу старинного дворянско-купеческого города. Благо, сохранившиеся пока ещё старинные здания позволяют это сделать. Собственно, с 2020 года я делаю литературные проекты и в Орле тоже. Кроме того, являюсь литературным редактором альманаха «Тургеневский бережок» и журнала «Новый Орёл+XXI век». За последнее время осуществлены два масштабных литературных проекта «Искусство видеть мир» и «Добром за добро». Финал первого, пришевинского конкурса, прошёл в Орле, в библиотеке им. И. А. Бунина. Приезжали победители конкурса из Смоленска, Белгорода, Красноярского края, даже Владивостока. Второй конкурс, имени Пришвина, мы провели совместно с Гослитмузеем и его филиалом — Домом-музеем М.М. Пришвина в Дунине. Также было много ребят из разных регионов. Отдельным мероприятием в Пришевинской библиотеке Орла наградили местных победителей, кто не смог приехать в Подмоскovie. Сейчас начался приём работ на конкурс «Спасите пушкинский язык!» к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Разумеется, по всей стране пройдут масштабные мероприятия в честь памятной даты, будут звучать стихи поэта, а номинации нашего конкурса: «Моя малая родина», «Люблю тебя, мой отчий край», «Пушкин в моей жизни», «Родительский кров», «Духовное наследие России» — позволят раскрыться новым юным талантам.

В январе 2024 г. стартует большой совместный проект с филиалом Орловского краеведческого музея — Домом-музеем В.А. Русанова (а также музеем Арктики и Антарктики г. Санкт-Петербурга, Ассоциацией союзов писателей и издателей России, Ассоциацией полярников России, Северным морским музеем Архангельска, Таймырским краеведческим музеем и другими партнёрами) «Дорога в Арктику». Его особенностью станет не только проведение литературного конкурса, но и молодёжной научной конференции на базе Среднерусского института управления (филиала РАНХиГС).

— Вы очень много работаете с молодёжью и для молодёжи. Это ответственно и почётно. Но легко ли? Кто приходит на смену Тургеневу, кто сейчас «спасает» пушкинский язык?

— Я не пытаюсь спасти мир, я лишь пытаюсь найти творческих ребят и дать им шанс войти в литературу, научить любить и понимать русский язык как составную часть идентичности нации. Большинство из нас в детском и подростковом возрасте были одиночками, пишущими в тетрадку. И сейчас не в каждом городе и посёлке есть литературные объединения, профессиональные наставники, журналы, где можно опубликовать свои произведения. Хочется им помочь. Работы победителей наших конкурсов уже опубликованы в различных изданиях: «Независимой газете», журналах «Новый Орёл+XXI век», «Золотой ключик», «Путеводная звезда», «Веси», «Гайдаровские искры», альманахе «Тургеневский бережок» и других. Раз в две недели мы встречаемся на онлайн-семинарах, где обсуждаем и произведения участников, и произведения классиков, расширяем круг чтения.

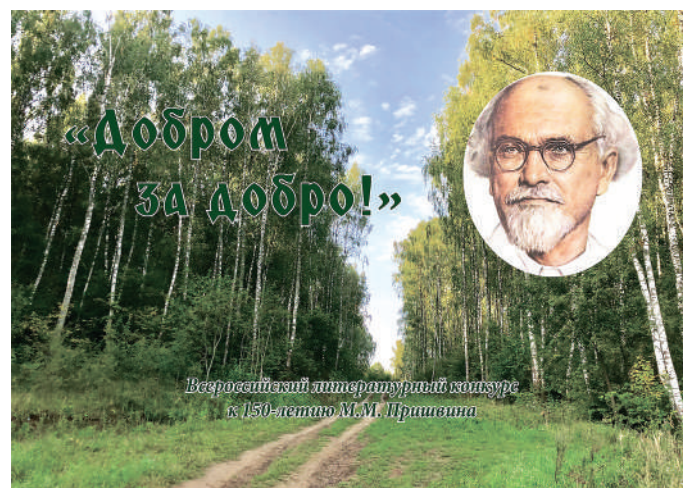
Я очень надеюсь, что в следующем году в книжной серии Академии изящной словесности «Орля», которую я возглавляю, выйдут первые книги участников семинара.

Планов очень много, не всегда хватает ресурсов на их

воплощение. Тем не менее я верю, что ребята, которые сейчас делают первые шаги в литературе, сумеют сохранить живое русское слово. Всем, кто захочет к нам присоединиться, рекомендую зайти на сайт: союзписателей-57.рф, где есть информация и о конкурсах, и о семинарах.

Уверена, Орёл, как литературная столица России, богат не только писателями-классиками, но и новыми, ещё не раскрытыми талантами.

Ольга СУДАРИКОВА

Людмила Алексеева: ПО ЖИВЫМ СТРАНИЦАМ ПАМЯТИ

*Что хранит память тех, кто в далёкие военные и послевоенные годы были детьми?
Воспоминаниями делится жительница Орла Людмила Михайловна Алексеева.*

В войну я была совсем маленькой девочкой. Наша семья жила тогда на улице Ленинской, у Александровского моста, – рассказывает Людмила Михайловна. – Фашисты вошли в город, въехали на мотоциклах. Стоял шум, грохот. Пустили какой-то газ, и мама закрывала нам, детям, рты мокрыми тряпками, чтобы не было удушья. Уже на третий день, как рассказывали, устроили показательную казнь, вешали коммунистов у Первомайского сквера и сгоняли жителей смотреть.

Было дело, что с крыши нашего дома ночью кто-то пускал сигнальные ракеты для советских самолётов. Так на утро жителей выгнали из квартир и поставили лицами к стене, сказали, что расстреляют, если не выдадим того смельчака... Ночью мы потихоньку перебрались в другой дом на улице Ленина, 36. Там и обустроились.

Много страшного осталось в памяти. Помню облавы и бомбёжки. В 1942-м, после бомбёжки, мы вышли на улицу. В районе кинотеатра «Победа» (его так уже после войны называли, а тогда там храм был) располагался кукольный театр. По всей улице валялись куклы с оторванными частями тела, и даже на проводах висели...

Мы, дети, часто играли на Пролетарской горе или на так называемом Пролетарском переулке, и однажды попали в очередную облаву. Согнали всех в кучу, в том числе и детей, искали евреев. Из толпы выхватили черноволосую молодую девушку в зелёной кофточке и затолкали в машину. Она была с отцом, тот закричал, кинулся вслед за дочерью, но его застрелили прямо у нас на глазах.

Одна из картин того времени особенно врезалась в память... Орёл в оккупации. Голод. Семья большая, трое детей на руках у матери. Часто варили очистки, ели блинчики из прелой картошки – «тошнотики». Я была в семье средней. Как-то вместе со старшей сестрой Томой отправились на поиски пропитания. В районе Городского сада, где сейчас находится памятник Тургеневу, располагалась немецкая полевая кухня. Мы притаились за углом дома и заметили, как немцы выбросили в яму сваренную коровью голову. Тома сбегала домой за авоськой. Мы дождались, пока поблизости никого не будет, и полезли за головой. Но та никак «не хотела» влезать в сетку, поэтому мы с Томкой вцепились в неё и поволокли по земле. Голова была тяжёлая, а мы худые и слабые. Я начала плакать, и немцы нас заметили. Один из них прибежал с фотоаппаратом. Они стали смеяться, фотографировать, а мы заплакали в два голоса, боясь, что расстреляют или отнимут голову. Но всё обошлось. Коровья голова была доставлена в дом, и семья надолго оставалась сытой.

На следующий день неожиданно пришёл тот немецкий солдат, который снимал нас на фото, и предложил сделать моё фото на память. На меня надели пальтишко, обвязали платком и вывели во двор. Там, у машины, немец и сфотографировал.

Позже, уже в мирное время, когда я повзрослела и стала художником, использовала это фото, чтобы написать картину о детях войны.

5 августа 1943 года Орёл освободили. Мне тогда было шесть лет. Ночью я вышла на улицу. Мы, дети войны, вообще выходили из дому запросто, в любое время суток, и никого не боялись, кроме немцев. Светила луна. Вдруг я увидела, что вся земля вокруг сияет. Я по-детски решила, что с неба упали какие-то драгоценные камни. В общем, сказка да и только. Стою и думаю: «Если закрою глаза, а потом их открою, волшебство исчезнет или нет?» Но всё по-прежнему искрилось и переливалось в лунном свете. Тогда я наклонилась к земле, чтобы подобрать бриллиантики рукой, и тут всё стало ясно. Это были обычные стёкла – память, оставленная войной. Просто во время бомбёжки, когда во двор упала бомба, разбились стёкла в доме напротив. Их осколками, сиявшими в лунном свете, и был усеян двор.

То ночное видение так врезалось в память, что однажды вдруг захотелось взять в руки краски, – продолжает рассказ Людмила Михайловна. – Но была страшная бедность. Мама поменяла практически все вещи на продукты: сало, муку, картошку. Детские игрушки тоже пошли в ход, и даже старая мамина шубейка – единственное богатство семьи, потому что мы, трое ребятшек, прятались под ней от холода, – всё пошло в дело. И теперь мама ходила зимой в плаще, на ногах – резиновые калоши, а осенью и летом – вообще босяком. Спали мы без подушек, под дырявым одеялом, согревая друг друга своими худенькими тельцами.

К зиме я школу бросила, так как одеваться было не во что. Старшая сестра Тамара не стала ходить туда по той же причине. Пришла к нам как-то домой учительница, спросила, почему нас в школе нет. Мама молча одеяло приподняла, а мы все лежим под ним голые.

Но прошло какое-то время, и нам принесли ордера на одежду и обувь.

Жизнь постепенно налаживалась. Даже начали активно работать детские кружки. Я пошла и записалась сама в кружок художественной гимнастики в Дом учителя на родной Ленинской улице. Там сейчас ТЦ «Малиновая вода» находится. Естественно, никакой спортивной

формы у меня не было. Выручила родная тётка – дала мне свои рейтузы. Я не могла понять, почему с таким недоумением на меня смотрит преподаватель, стараясь особенно хорошо выполнять упражнения в своей новой «форме». А когда я сделала «колесо», так все вокруг начали смеяться. На этом карьера в гимнастике закончилась. Я не стала унывать и ринулась в балетный кружок, полагая, что балет мне подходит больше, ведь там так красиво! Я уже спала и видела себя известной балериной. Но и тут вскоре случился казус. Наша балетная труппа, если можно так выразиться, давала концерт в клубе строителей на той же Ленинской. Мы должны были исполнять танец маленьких лебедей из известного балета «Лебединое озеро». Наша наставница сшила мне пачку из марли, а вот белых трусиков, как у всех девочек, у меня не оказалось. Так и появился чёрный лебедёнок. Да ещё из-за маленького роста, возник в самом конце «лебедой стаи». Ребята в зале так хохотали, что и этот кружок я от досады бросила.

После войны, особенно в 1946-1947 годах, был страшный голод, и стали выдавать хлебные карточки. Тогда и произошёл со мной этот случай. Мы были детьми доверчивыми и добрыми. Даже мышей мальчишки жалели... Дала мне как-то мама хлебные карточки и пошла я их отovarивать. А там очередь огромная. Вот мне какая-то женщина и говорит: «Долго тебе тут стоять придётся, девочка. Хочешь, я тебе помогу?» Я кивнула. Завела она меня в тот дом, где сейчас городская администрация и ЗАГС находятся, только с обратной стороны. Кстати, это тот самый дом, который после войны разминировал один мальчишка-подросток. Посадила меня в подъезде на ступеньки, взяла карточки из рук: «Сиди и жди меня. Я скоро приду».

Я ждала её до позднего вечера. Потом поняла, что тётка больше не придёт, заревела и поплелась домой. Дома, как на духу, всё рассказала маме. Лишиться тогда карточек на всю семью было смерти подобно. Но меня не наказали, хотя оставила свих родных без куска хлеба. Люди нам всем двором тогда помогли выжить, делились продуктами, кто как мог.

Потом я заболела тифом, а позже и сёстры. Особенно тяжело болела старшая, её даже к кровати привязывали, когда бредила и пыталась куда-то бежать. Был у нас в городе очень хороший доктор Турбин Владимир Иванович. Он и спас всех нас. После тифа я была лысая и потому ходила в школу в косынке. А потом волосы стали отрастать и вдруг начали виться. Ввиду этого меня ребята Пушкиным «дразнили».

В конце 1947 года родился братик Алёша. Мы, все три сестры, сидели с ним по очереди. Младшая, Лида, часто бегала к кормящей грудью соседке, у которой была своя дочка такого же возраста, и просила, чтобы та и Лёшу материнским молоком подкармливала. Соседка соглашалась. А у мамы своего молока не было.

«Немецкое» фото во дворе дома на улице Ленина, 36.

Через год мама устроилась на работу заготовителем: заключала договоры с колхозами на поставку продуктов в город. Отец приспособился столярничать. Жить стало полегче. На столе появились картошка с капустой – самая главная наша еда. Хранили мы продукты в подвале, в котором во время войны прятались от бомбёжек.

Примерно с 48-го года отменили хлебные карточки. А когда стали выходить газеты, вообще все духом воспрянули. Только помню, был в одной из них снимок Зои Космодемьянской с петлёй на шее. И все люди, от мала до велика, плакали, глядя на него.

Было чувство общего горя, но и общей надежды – мы начали строить новую жизнь.

По радио стали передавать сообщения о снижении цен. К слову, радио было тогда в большом почёте – с ним вставали по утрам, под него засыпали. Я запомнила его в виде большой чёрной тарелки на стене у стола. Мама всегда бережно стирала с него пыль.

У меня появились настоящие цветные карандаши, бумага, краски хорошие. Позже, повзрослев, я окончила Орловское художественное училище, полиграфический институт в Москве. Стала художницей. И всех остальных детей мама сумела на ноги поставить.

Много лет прошло с тех пор. Сейчас мне 86 лет. Тем не менее, продолжаю заниматься живописью, чтобы не потерять смысл в жизни. Несмотря ни на что, я уверена, что миром правит добро. А память о былом я храню в сердце не только для себя, но и для того, чтобы другие знали и помнили.

Записала Елена МАР

Картина Л.М. Алексеевой «Дети войны»

Ольга АРИСТАРИНА,
член Союза российских писателей

ПОЛУСЛОВИЦЫ И ОГОВОРОККИ

О том, как важно соблюдать чистоту

Я снял футболку – белый флаг
Над полем боя грустно взвился,
Но только вот не понял враг
И загудел, засуетился...

Ему кричу – вот белый цвет!
Подпишем мир, покуда целы,
А он не верит: – Нет-нет-нет!
У флага цвет совсем не белый!

Уже обеда пробил час,
Но недоверье между нами
И пыл сраженья не угас,
Ведь чёрно-серым было знамя...

Придётся заново начать.
Полдня сражались – и без толку!
Но прежде нужно постирать
Когда-то белую футболку!

Тонкая натура

Я дочуля поросёнка.
И сама – совсем свинья.
Оттого натурой тонкой
Не могу похвастать я!

Как-то раз обедать звали,
А теперь уж – ни за что!
Ножки сами взяли – встали,
Да и прыгнули на стол!

Я сиренью любовалась,
А потом вдруг слышу хруст...
Это я не удержалась
И сжевала целый куст...

Говорят, над нами небо
Голубеет целый год...
Пятачок задрать свой мне бы...
Но натура не даёт...

Не налезут мне пуанты,
А без них не станцевать.
Поросычьи таланты –
Громко хрюкать и визжать...

На какой такой диете
Нужно строго посидеть,

Чтобы лучше всех на свете
Чудным голосом запеть?

Точно вижу – взгляд мой томный
И хозяевам претит.
Им бы вес не меньше тонны
И отменный аппетит...

Аппетит я отменяю,
Перестану хлеб жевать.
Стану жителей сарая
Как художник рисовать!

Рисовать не вышло рылом.
Не удержишь кисть хвостом...
Тут меня тоска накрыла...
И стихи пошли – ручьём...

Превозносит поросёнка
Мой певучий свиный стих.
Куры говорят: – Не тонко!
Рифмы нет в строфах твоих...

Да, с нетонкою натурой
Мне в искусство ну никак!
Может обладать культурой
Далеко не каждый хряк!

Не портьте, дети, аппетит

Не портьте, дети, аппетит!
Нет, жизнь его не станет сладкой,
Хоть каждый тщетно норовит
Поправить дело шоколадкой.

Он очень зол на перекус,
В стакане сока видит бурю,
А мы сластим, не дую в ус,
Что чай, что кашу, что пилюлю...

У аппетита хмурый вид,
Он неуверенно ступает
И всё исчезнуть норовит,
Когда его не привечают.

Ему как будто острый нож
Все наши вафли, мюсли, торты.
Калач напрасно ты жуёшь,
Будь он хоть трижды перетёртый.

Не портьте, дети, аппетит
В его рассеянности тонкой,

А то он так заговорит –
Не перебить любой сгущёнкой!

Молчанка

Я люблю играть в молчанку.
Не хочу других затей.
Встану утром спозаранку
И давай играть скорей!

Даже спать ложусь попозже,
Чтоб подольше поиграть!
И меня никто не может
Во дворе перемолчать!

На спор я играл с Серёгой,
С Ленкой просто так молчал.
Даже маме я немного
За неделю слов сказал.

Молча я киваю деду,
А сестре рукой машу.
Честно взял свою победу.
С ней расстаться не спешу.

Вы такого не смогли бы!
Вот игра так уж игра!
Я играл в молчанку с рыбой.
Рыбы в этом мастера!

Правда, сплоховал немножко.
Но об этом – т-с-с, молчок!
Ух, нечестная рыбёшка!
Я попался на крючок!

Не по правилам играли.
Этот не засчитан бой!
Рыбы в рот воды набрали:
Посмеялись надо мной!

Только терпение!

– Я очень тер-,
Я очень пе-,
Я очень терпеливый!
Такого вот вообще нигде
Найти бы не смогли вы!

Гляжу на длинный Ленкин нос
И глазом не моргаю.
Нос Ленку вдвое перерос,
Терплю – не замечаю.

Прияатель ростом очень мал.
Частенько с ним играю.
Хоть у него есть самосвал,
Терплю – не отнимаю.

Учитель задаёт вопрос.
Ответ я верный знаю...
И мигом лес из рук пророс...
Терплю – не отвечаю...

Вот мама просит ей помочь:
– Аврал, не успеваю!
Я вроде бы помочь не прочь...
Терплю – не помогаю.

– Ты очень тер-,
Ты очень пе-!
И дальше так держать!
Такого вот вообще нигде
Не будем мы искать!

Качели

Несутся качели со скоростью лета.
В них тысячи птичьих сил.
Качели толкают и будят планету,
Которую свет залил.

А ветер всё время бросает на встречу
Клубничный и липовый дух.
И хочется с мягкого облака свечкой
Нырнуть в зеленеющий луг.

Качели назад никогда не уносят.
Они могут только вперёд.
Несутся сквозь зиму,
сквозь хмурую осень
На летний янтарный восход.

У них не бывает пробега, налёта.
И время почти не удел.
Ни разу не слышал я, чтобы хоть кто-то
В полёте старел и дряхлел.

Здесь стартовой точки и финиша нету,
Как нет и конца пути.
Толкай и буди голубую планету.
Лети, и лети, и лети!

Подход

Я мальчишка непослушный.
Вам со мной не повезло.
Быть примерным очень скучно.
Делаю я всё на зло.

Говорят: – Бросай учиться!
Глупо слишком умным быть...
Я стараюсь отличиться
И «пятерку» получить.

До обеда просит мама
Повалиться, не вставать...
Поднимаюсь я упрямо
И давай ей помогать!

– Не хочу! Возьми! Не надо! –
Тащит велик младший брат.
– Нет! Катайся до упада,
Раз ты велику не рад!

Вот такая вот природа.
Скажут: – Стой! А я – бежать!
Ни подъезда, ни подхода
Вам ко мне не отыскать!

Даю слово

Это, братцы, очень ново.
Так не делают пока:
Рыбу я ловлю на слово.
Не как все – на червяка.

Я ей прямо обещаю:
– Только в гости приглашу!
Я её увещаю,
Заверяю и прошу.

Предлагаю прогуляться,
Поглядеть на белый свет,
В белой ванне поплескаться,
Заглянуть к нам на обед.

– Познакомлю с нашей кошкой,
Коль покинешь водоём.
Кошка знает толк в рыбёшке.
Много общих тем найдём.

Клюй скорей, как говорится.
Вытяну – увидишь мир.
Будешь в масле, не в водиче
Ты плескаться, словно сыр.

Я мечтаю об улове,
Вру без отдыха полдня.
Ой, клюёт! Но вот на слове
Рыбке не поймать меня!

Наоборот

Я Ванечка наперекор,
Я Ванечка наоборот.
Я залезаю на забор,
Когда к калитке друг идёт.

Играет в шашки брат со мной,
А я играю в поддавки.
И это очень сложный бой.
И эти схватки нележки.

Да, каждый вновь из нас готов
Играть по правилам своим,

Ведь знаем мы без лишних слов,
Что точно оба победим.

Купила мама шоколад
И он закончится вот-вот,
Ведь все сидят – его едят,
А я – опять наоборот.

Достойный дать готов отпор,
Меня так просто не возьмёшь.
Вновь поступлю наперекор
И буду кушать «далокош».

Отдам ботинок в хорошие ноги

Вам ботиночек не нужен?
Хоть он правый, он не прав!
Он весь день сбегает к лужам,
У него тяжёлый нрав!

Он куда-то залезает,
Отбивается от рук.
То меня он спотыкает,
То футболит всё вокруг.

Я на левый на ботинок
Посмотрел – ах, все бы так:
Ни царапин, ни морщинок,
Ни пылинки на шнурках!

Вот такая вот заминка...
Что же, правый обменять
Мне на левых два ботинка
Или перевоспитать?

Синонимы

Я сегодня не художник.
Кисти, краски – с глаз долой!
Ведь сегодня я хмурижничек
И на мир гляжу с тоской.

Я сегодня волны хмурю,
Солнце жмурю, морщу свет.
На листе рисую бурю –
Настроения портрет.

Может, я слегка хворожничек?
Может, вирус подхватил?
Мёд, лимон и подорожник
В уголке изобразил...

Лезут кляксы отовсюду,
Краска капает на стол.
Может быть, от слова «худо»
Я на свет произошёл?

Морось, серость, слякоть, тучи...
Как себя мне в руки взять?
Живописцем стану лучше!
И теперь – живею писать!

Русская азбука под угрозой

В русском алфавите есть буква, которая во многих печатных текстах оказывается незаслуженно забытой, – это буква «Ё». 29 ноября ей исполнилось 240 лет.

История литеры «ё» началась 29 ноября 1783 года. В этот день состоялось заседание Академии Российской словесности. Присутствующие на собрании обсуждали проект толкового славяно-русского словаря – «Словаря Академии Российской». Тогда в заседании приняли участие видные литераторы и академики: **Гавриил Державин**, **Денис Фонвизин**, **Иван Лепёхин** и, конечно, директор академии – княгиня **Екатерина Дашкова**.

Когда собрание подходило к концу, княгиня Екатерина Дашкова поинтересовалась у участников, как бы они написали слово «ёлка».

Не дождавшись внятного ответа, княгиня предложила вместо двух букв «Ю» записывать одну. Её предложение было поддержано литераторами, и буква получила официальное признание.

Однако в новый толковый словарь она так и не вошла. Предполагается, что это было недешёвым удовольствием. Никто не хотел мастерить литеры новой буквы, гораздо выгоднее было использовать привычный набор.

По одной из версий, буква «ё» обзавелась точками, подобно немецким умлаутам. Как и многие знатные люди XVIII века, княгиня тянулась к европейской культуре и знала несколько иностранных языков.

Первое произведение, которое было написано с использованием новой буквы, стала книга **Ивана Дмитриева** «И мои безделки», изданная в 1795 году.

Широко известной литерой стала благодаря историку и литератору **Николаю Карамзину**. Он её использовал в первой книге своего стихотворного альманаха «Аонида». Там

встречались такие слова: «зарёю», «орёлъ», «мотылёкъ», «слёзы».

Не все положительно отнеслись к словесной реформе, инициатором которой стала **Дашкова**. Среди противников буквы «ё» были видные представители литературы XVIII века такие, как **Александр Сумароков** и **Василий Тредиаковский**.

Многие академики того времени считали, что буква «ё» привносит нечто простонародное в русский язык, «ёкающее» произношение воспринималось, как мещанское, в то время как «е'кающий» выговор считался более культурным и интеллигентным.

В XIX веке буква «ё» перестала употребляться в связи с тем, что было сложно печатать в типографиях литеру с двумя точками.

Официально буква «ё» вошла в алфавит только при **Сталине**, так как он любил чёткость во всём, а в ходе Великой Отечественной войны общество остро ощутило нехватку буквы «ё». По некоторой информации, немецкие оперативные карты территории СССР были более точными, чем наши (в том числе с точки зрения написания названий населённых пунктов). Из-за мелких неточностей, дуализма в написании географических названий в армии творилась неразбериха.

По легенде, 5 декабря 1942 года управделами Совнаркома **Чадаев** принёс Верховному Главнокомандующему на подпись постановление, в котором фамилии нескольких генералов были напечатаны без буквы «ё».

7 декабря 1942 года в печать вышла газета «Правда», полосы которой пестрили буквами «ё». 12 декабря Наркомпрос выпустил приказ об обязательном употреблении «ё» в школьных учебниках.

С этого момента в книжной и газетной печати началась активная реабилитация забытой буквы, которая, впрочем, длилась недолго (до 1956 года).

В современной письменной речи положение «ё» остаётся не менее шатким, чем оно было 100 или 200 лет назад, хотя нельзя отрицать значение буквы.

В русском языке около 12500 слов с Ё. Из них около 150 на Ё начинаются и около 300 на Ё заканчиваются.

Частота встречаемости Ё – 1% от текста. То есть на каждую тысячу знаков текста приходится, в среднем, по десять ёшек.

В русских фамилиях Ё встречается примерно в двух случаях из ста.

Есть в нашем языке слова с двумя и даже тремя буквами Ё: «трёхзвёздный», «четырёхведёрный», «Бёрёлёх» (река в Якутии), «Бёрёгёш» и «Кёгёлён» (мужские имена на Алтае).

Более 300 фамилий различаются только наличием в них Е или Ё. Например, Лежнев – Лежнёв, Демина – Дёмина.

В русском языке насчитывается 12 мужских и 5 женских имён, в полных формах которых присутствует Ё. Это Аксён, Артём, Нефёд, Пармён, Пётр, Рёрик, Савёл, Селивёрст, Семён, Фёдор, Ярём; Алёна, Клёна, Матрёна, Фёкла, Флёна.

Мы до сих пор уверены, что у Дюма кардинал не Ришельё, а Ришелье. Мы ошибочно считаем, что актёра зовут Депардьё, а не Де-пардьё. Известнейший поэт Фёт именуется не иначе как Фет.

А сколько юридических проблем возникало у наших граждан из-за нерадивых паспортисток, не проставивших в фамилиях несчастное Ё? Получается порой, что, по одному документу человек Еременко, а по другому – Ерёмченко. Так и живём, словно в нашем алфавите 32,5 литеры.

В честь этой буквы даже был назван российский гибридный автомобиль – «Ё-мобиль». Кстати, первым обладателем «Ё-мобиля» стал лидер ЛДПР Владимир Жириновский.

У него покраснело небо (на картине или закат), у него покраснело нёбо (во рту болячка).

Но, как правило, мы всегда понимаем, о чём идёт речь из контекста: о козлАх (животных) или козлАх (строительном оборудовании).

Однако иностранные фамилии при использовании буквы «Е» вместо «Ё» мы искажаем. Например, Ришелье вместо Ришельё (RICHÉLIEU), Рентген – Рентгён (RONTGEN), Пастер – Пастёр (PASTEUR). Даже российские фамилии: Рерих вместо Рёрих, Чебышев вместо Чебышёв.

Хотя когда искажаются другие иностранные буквы, никто не обращает на это внимание. Например, Голливуд (HOLLYWOOD) или Шекспир (SHAKESPEARE) и т.д.

В 2005 году появился памятник, посвящённый букве «ё». Его установили в Ульяновске (бывшем Симбирске – родине Карамзина) по решению мэрии города. Памятник представляет собой треугольную призму из гранита, на которой выбита строчная «ё».

Отсутствие буквы «Ё» может менять смысл предложения. Самый известный пример – это фраза из романа «Пётр Первый» А. Толстого: «При этаком государе мы передохнем!» А имелось в виду «передохнём», то есть у нас будет отдых.

Кстати, это слово часто вызывает нарекания. Например, в конце февраля страна передохнет от сильных морозов. На самом деле – передохнёт. В этих предложениях без буквы «Ё» не обойтись, так как её отсутствие полностью меняет смысл.

Есть пары слов, где при употреблении буквы «Е» вместо «Ё» меняет смысл: небо-нёбо, осел-осёл, слез-слёз, весел-вёсел, козел-козёл и т.д.

Например.

Он осел здесь (он поселился), он осёл здесь (его считают глупым).

Звук «Ё» всегда был в нашем языке. Стоит отметить, что в церковнославянском языке его нет, священники и сейчас не употребляют «Ё», за исключение бытовой речи. Например, часто слышишь – Братья и Сестры (а не сЁстры).

В азбуках до 1942 года самостоятельной буквы «Ё» не было, она считалась разновидностью «Е». Она не запрещалась, по своему желанию каждый мог её писать. Но в конце 1942 года и до 1960-х годов она стала обязательной в газетах и книгах.

Сейчас её использование также носит факультативный характер, если это не влияет на смысл предложения. Об этом сказано в приказе Министерства образования от 2007 года.

Увы, до сих пор некоторые издания предпочитают игнорировать букву ё.

И армия неграмотных людей у нас растёт в геометрической профессии, предпочитая русский язык заменять ненормативной лексикой и сленгом, который достоин низшего класса, но не высшей лиги, к которой надо бы стремиться.

Леонард Золотарёв – поэт, прославляющий жизнь

Леонард Михайлович Золотарёв

Советский и российский прозаик, драматург, поэт, литературовед и переводчик. Член Союза писателей СССР и Союза журналистов России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды». Родился: 24 июня 1935 г., Воронеж, РСФСР, СССР. Умер: 29 июня 2020 г. (85 лет), Орёл, Россия

Леонард Михайлович Золотарёв за свою творческую жизнь написал более пятидесяти книг. Его творческий мир многогранен и многозвучен. Марина Цветаева сказала когда-то о Сергее Есенине, что он мало жил, но пропел нам песню.

Леонард Михайлович подхватил эту песню и вошёл в литературу с первой книгой «Берестяные песни», за которую был принят в Союз писателей России единогласно в 1973 году. А всё его творчество – это песня, которую он пропел жизни в своих стихах, очерках, рассказах, романах.

Виктор Садовский, собрат по перу, считает, что многие его литературные произведения: будь то поэзия или проза, пронизаны музыкой и даже развиваются по законам музыкального искусства. Он обладал тонким музыкальным слухом, красивым тенором, любил петь, оставил много кассет с записями в его исполнении русских романсов, песен, любимых арий, стихов, которые превращал в песни.

Разговор о поэзии Леонарда Михайловича начнём с его первой книги стихов «Глаголы», вышедшей в 1992 году. Книга небольшая, всего 120 страниц, но в ней 166 стихотворений. Книга программная, темы, обозначенные в ней, будут развиваться на протяжении всей творческой жизни автора. Само название книги говорит о многом. Глагол в русской грамматике – главная часть речи, основополагающая, формирующая высказывание, он – стержень, движущая сила. Глагол в дискурсе всему голова, функция его ёмкая, смыслообразующая. Приведём цитату: два катрена из стихотворения «Глаголы».

*Слова, слова, а нужно лишь одно.
Своё на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно –
Пружинистое, как сердечный клапан.
И последний катрен стихотворения «Глаголы»
Глаголь же, совесть! Плавь родную речь!
Цели и рань, вставай и падай снова.
Хоть каждый день клади себя на меч,
Чтоб остро было, живо было слово.*

Конечно, здесь переключка с А.С. Пушкиным «Глаголом жги сердца людей».

А живое слово Леонарда Золотарёва ещё долго будет звучать в его девяти книгах, изданных уже в двадцать первом веке. Это «Орловский край, сторонюшка родная, Русь серединная моя!», «Страна Аэдия», «Тургенев. Мценский край – жемчужина Орловщины»,

«Орловская лира», «Духов день», «Вечерний звон», «За околицей», «Колокола. Поющая душа» и другие.

В поэзии Леонарда Золотарёва не перечислить всех тем. Назовём главные: это – человек со всеми его идеалами, чувствами, стремлениями, ценностями.

Тема Родины, главной ценности человека, тема семьи, история, мечта и реальность, отношение к природе, окружающему миру. Все стихи наполнены любовью, искренностью лирического переживания и силой поэтической мысли. В его стихах с равной силой звучат и нежнейшая лирика, и мужественная гражданственность.

*Ты хранись в нас, о русская речь,
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сбережь,
Русь святая себя сохранит.
Сохранит землю русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей, молчаливой, внимать
Под гортанные скрипы осин.
Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просьбы рос.
Был мой дедушка великорос,
Не согласен на малое внук.
Ты хранись в нас, о русская речь,
Русь, Россия, родимая мать.
За неё уж пришлось в землю лечь,
За неё ещё будем стоять.*

Сколько смысла и значения, как актуально, будто написано вчера. Это классика, стихотворение будет жить всегда, пока мы живы.

Безусловно гражданская лирика в стихотворении «Бессмертный полк».

*Бессмертный полк шагает по России.
Возник живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
Легли на главном, на московском направлении.
Бессмертный полк шагает по России,
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
И дедушка мой с ними, как святой.
Бессмертный полк шагает по планете,
А в том полку и взрослые и дети.*

В этом стихотворении, фрагмент которого мы дали, автор сумел через своё личное восприятие показать масштабное историческое событие. Поэт причастен к этому событию через свою семью, бабушку и его сыновей. Он гордится их подвигом, три сына бабушки – его дяди отдали свои жизни, защищая Родину. Сегодня бессмертный полк идёт по планете, в нём дети и внуки героев. Стихотворение проникает до глубины души, так как в русском человеке есть особый ген, ген патриотизма, неизвестный, другим народам.

Приведём небольшое стихотворение на эту тему.

*И океан над нею вспенится,
Комета ухнет в тишине.
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.*

Выражающий гамму чувств диалог воспринимается как лирическая исповедь, раскрывающая душевный мир поэта, глубину его чувств, глубину любви к родине, наполнившей всё его сердце.

Леонард Михайлович – большой национальный поэт, озарённый судьбами родины и человека. Говоря о себе и о своём, Леонард Михайлович всегда говорит о том, что волнует его современников. Основная нота его поэзии – тревога за современников, за их судьбы.

*Спасибо, край мой, вы – родные люди,
Что научили петь и говорить.
Пока мы есть, пока мы с вами будем,
Не перервётся золотая нить.
Жива и Русь моя, Россия – мать.*

Я вам, РОДНЫЕ, слово завещаю –
Оно от вас, от солнца, от травы.
Простите, если что... я вам прощаю...
Мой памятник навечно – это вы!

Приведём ещё стихотворения из книги «Орловский край, сторо-
нушка родная» в сокращении.

Край ты мой раkitный, лунь зеленоглазый!
В серебре макушки хлопоты в гнезде.
Не о том мечталось, что случилось сразу
Не того хотелось, что теперь везде.
Выше сеновала сук облюбовала
Веющая кукушка – эхо по реке...
Бурею раkitу с берега свалило.
Вот стою – горюю, берег-то крутой.
Как её любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой...

Это стихотворение очень лиричное, в нём любовь, нежность, оча-
рование. Следующее стихотворение об Орле, о России, о человеке,
людях.

Как выйду за город в степное раздолье,
В зелёное поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, –
На хлебные волны накинута пиджак.
Как выйду за город в степное раздолье,
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце охватит Россией, любовью,
И значит, мы живы, и значит, мы есть.

Эти стихотворения поются сами. Напевность – отличительная
черта поэзии Леонарда Золотарёва.

Кленовый лист в холмах и перелесках,
А по холмам раскинуты крыла.
Я здесь живу, моё родное место
Под сердцем у державного Орла.
Взгляну на север – русские столицы,
Шагну на юг – всё русские края.
А тут мой дом, Орёл мой тут гнездится,
Любовь моя, Орловица моя.
Степь в перелесках, красота земная,
А по степи – то холм, то колея.
Орловский край – сторонюшка родная,
Русь серединная моя!

В этих стихах столько яркости, образности, обилие метафор, они
остаются в сердце. В первом катрене столько же метафор, сколько
строк (кленовый лист, по холмам раскинуты крыла, под сердцем у
державного Орла, Орёл мой тут гнездится).

Недаром наша орловская журналистка Зоя Федотовна Тарабрина
в журнале №11 «Русское поле», посвящённом памяти Леонарда Ми-
хайловича, написала о нём статью с заглавием «Певец Орловицы».

Ещё одно выразительное стихотворение (один катрен)

Как выйду за город в степное раздолье,
В зелёное поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, –
На хлебные волны наброшу пиджак.

Степное раздолье (устойчивое выражение), (окатит Россией, лю-
бовью, на хлебные волны) – образно, ярко, красиво.

А вот стихотворение из двух катренов, где на первое место вы-
ходит ассоциативность.

Город-птица, а мост неподвижен.
Две реки, два моста, два крыла.
Тут взлетел, опустился в Париже
Александровский мост из Орла.
Александровский мост, Александровский мост,
Красота берегов неизменна.
Под мостами течёт солнце ваших волос, –
Славен Орлик, божественна Сена.

Возьмём стихотворение «Имя твоё», с купюрами, оно о сыне, тема
семьи, неразрывно связанная с родиной.

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбуждён.

И вот он, сын, на белый свет рождён..
И я назвал торжественно, по-русски,
Как искони в краю моём велось,
Что означала матери Руси.
Мне это имя от неё награда
И вера, что не будет ей конца.
«Князь Игорь», – называла мужа Лада,
И просто «Игорь», – у меня – отца.
В нём дань моя и преданность России,
К полёту страсть, как у орла в крыле.
Где б ни был сын, куда б ни заносило,
Он в отчий упокоится земле.
Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбуждён.
И вот вдвоём – теперь уже мужчины –
Одной дорогой вышли и идём.
Не на прокат, не отнят и не вымечан –
Тот княжий титул вечен на Руси.
Гордись, мой сын, своим славянским именем
И имя это с гордостью неси.

В стихотворении много теплоты, радости, счастья, а также факт
своей жизни поэт связал с историей родины, он долго думал, а инту-
иция привела его к тому, что он замечательно знал, к «Слову о полку
Игореве», произведение, оставшееся в памяти от лет учёбы на филфа-
ке, а затем в 2012 году у него вышла книга «Слово о полку Игореве», в
которой он собрал переводы этого произведения, начиная с Пушки-
на, Жуковского, Бальмонта, Заболоцкого и других, закончив своим
переложением по подстрочнику Д.С. Лихачёва.

А имя сына сложилось в звучное словосочетание с крещендо на
отчестве – Леонардович. В Москве на одной из научных конференций
посвящённой Тургеневу, Игорь Леонардович выступал с докладом
«Муму» Тургенева и «Кокотка» Мопассана». Москвички – читатель-
ницы Тургеневской библиотеки, где проходила конференция, похва-
лили его за доклад, начав с того, что очень красиво звучит его пред-
ставление «Золотарёв Игорь Леонардович» благодаря аллитерации,
сонорным и гласным звукам в Золотарёв Игорь Леонардович, полу-
чилась музыкальная фраза, вот такая история с именем.

А теперь стихотворение поэта о природе и о себе.

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слёту.
Я люблю свой зелёный берёзовый стих
И мою голубую работу.
Высоко – высоко надо мной небеса,
Голубое хмельно и бездонно.
Я зелёные слышу в себе голоса,
Из меня выпирают исконно.
Голубое до неба – моя вертикаль,
А зелёное – по горизонту.
Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль
Фаберже, что ли по Геллеспунту.
Моё сердце возьмёт голубой океан
И вернёт мне его золотое.
Под берёзой сижу я, задумчивый пан,
И люблюсь с ней и собою.

В стихотворении герой – поэт, она же из древнегреческой мифо-
логии – пан, Бог леса. В оригинальном стихотворении лирика и жи-
вопись, параллели между явлениями природы и состоянием души,
граница между ними стирается, одно переходит в другое. Небо, зем-
ля, океан, всё сливается воедино и образует крест, проходящий через
сердце поэта, который может удержать мгновение, любвеобильное
сердце которого может вместить всё, даже голубой океан. Поэт лю-
бит свой берёзовый стих и свою голубую работу. Его возможности
безграничны, ибо они питаются бездонной любовью. Автор воспри-
нимает явления внешнего и внутреннего мира под впечатлением,
получаемого в данный миг. Этот приём идёт от импрессионистов,
художников, которых автор хорошо знал и любил, а их главным при-
ёмом было запечатлеть мгновение, поэты часто делают то же самое.

Поговорим ещё о художественных средствах поэтического твор-
чества Леонарда Золотарёва. У поэта очень богатый лексический за-

пас слов. Благодаря филологическому образованию, очень большому количеству прочитанных книг, окружению: в семье слышал народную речь, работал в журналистике. Общение с разными людьми – героями своих очерков тоже обогащало его речь. Выражения людей, талантливых на слово, словотворцев встречаются в его стихах и прозе. Например, выражение Дарьи Ивановны из посёлка Синяевский в стихотворении «Моя деревенька»:

*За роцей и родная деревенька,
Дворы мои, затерянная Русь.
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.
Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки, жизнь на них крутая.
Иду, иду – раи в душе летают.
Концы с концами в мыслях не сведу.*

Выражение «раи летают» – это от Дарьи Ивановны, она сидела по вечерам на улице у дома, горел закат, освещая у дороги купол ракиты, круглую его верхушку. Бывало, подъезжал Василий Лановой с Ириной Купченко (она играла в фильме «Дворянское гнездо»), у них тоже в посёлке был дом. Выйдя из машины, Лановой направлялся к сидевшим, в первую очередь подходил к Дарье Ивановне и целовал ей руку, и этот его жест не воспринимался как актёрский, а как дань глубокого уважения к её трудовой жизни на земле, к её нагруженным рукам и как настоящему словотворцу, её было интересно слушать и Леонарду Михайловичу.

В этом фрагменте есть и метонимия «дворы» – часть целого, деревеньки, и выразительный эпитет – «затерянная» Русь, «прешпекты» – просторечное слово, «концы с концами» идиома. Такое обилие поэтических средств в двух катренах говорит ещё и о таланте самого поэта, из которого рифмы, слова и образы льются, как из рога изобилия, каким он и был, и метафора эта ему подходит.

Перейдём теперь от мужественной гражданственности, стихов о родине, к тончайшей лирике, в которой «тайный жар» больших человеческих чувств. Таких стихотворений тоже много. Мы выбрали три, так как нельзя объять необъятное. Хотя Леонард Михайлович больше известен как писатель, прозаик, но и в поэзии он сказал своё слово. Первое стихотворение из трёх в этой лирике, воспевающей прекрасные человеческие чувства: любовь, нежность, привязанность, радость, окрыляющие человека.

*Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить,
Француженка – тонкая грация.
Дрожит, не оборвана нить.
Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено всё.
О, это различие в нациях!
Вы, русские, странны, месьё!
Над Киевом чайки кричали,
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.
Днепрова, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В её никардийских глазах.
Вот так и стоит среди зноя
С цветами, как огненный флаг.
Процает Киев со мною,
В её утопая руках.*

В основе стихотворения реальный факт из жизни: у меня была знакомая француженка, с которой я общался во время её стажировки в Орле, потом Селин (так её звали) на следующий год стажировалась в Киеве и пригласила меня навестить её, мы поехали с отцом, у которого там жили друзья и встретились с Селин, а позднее появилось это стихотворение. Что касается Киева, оно оказалось пророческим. Уже первые две строчки, наполненные нежностью и грустью, сказали о многом, а тем более сейчас, когда туда я уже никогда не вернусь. Тогда встреча оказалась печальной, а сейчас печали ещё больше. Очень значащие последние четыре строки «стоит среди зноя с цветами, как ог-

ненный флаг», сравнение ассоциируется с предсказанием о сегодняшнем дне, и сильная метафора заканчивает стихотворение «процает Киев со мною, в её утопая руках» – ярко, сильно и грустно. Начало и конец стихотворения представляют собой как бы рондо, поэтический приём, но выраженный разными лексическими средствами.

Следующее стихотворение – сонет. Сонет, как жанр, появился в 16 веке и жив поныне. Он и сейчас популярен.

*Кипела улица в водовороте дня,
И, узкая вся, в дымке – чёрной стати,
Вдруг женищина прошла мимо меня,
Качнув фестоном траурного платья.
Священна боль, величие во всём.
И эта ножка с древнеримских статуи.
Я упивался ею, как вином,
И утонул в той страсти непочатой.
О молния! О ночь и озаренье,
С вас началось моё перерождение,
Увидимся ли вновь когда-нибудь
Здесь или там, в потусторонней дали?
Не знала ты, кто я, не ведала, кто ты,
Но я б тебя любил, мы оба это знали!*

Сонет отвечает всем к нему требованиям. Четырнадцать строк, завязка сюжета, она же и теза. В первой строчке две метафоры: кипела улица, водоворот дня. Затем развитие сюжета, высокий стиль, торжественная лексика, ни одно слово не повторяется. Поэт Никола Буало, теоретик французского классицизма чётко обозначил основные особенности французского сонета. Сонет должен обладать естественностью, свежестью чувств, порой это любовный роман из четырнадцати строк. Антитеза следует после первого катрена. Здесь в толпе выделяются два человека. Они на миг увидели друг друга. И озаренье – божье провидение. Они поняли, что созданы друг для друга. В конце потрясающий вывод. Особенно последняя строка. «Но я б тебя любил мы оба это знали!» Концовка гениальна. Это божественное провидение. Встреча, взгляд, миг, но это миг счастья, который останется с ними. Великолепный сонет.

Закончим наш обзор стихотворением о родном крае.

*Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна ракут в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде алёшневской стою.
Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.
Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гнечи!
По всей Алёшне от берёз светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.*

Стихотворение очень образное, эмоциональное, наполненное любовью к родному краю. Название реки одушевлённое, олицетворение, все в округе знают Алёшню, она впадает в Зушу, на её берегах на самом деле ракуты – образ «страна ракут», наверху на пригорке – берёзовая роща. От реки в посёлке частые туманы, много берёзовых рощиц на холмах, а река в долине (пойме), от берёз светло. В стихотворении признание в любви к этому краю, «боюсь сорваться сердцем от любви» – метафорическое выражение. Две последние строчки «неси, Алёшня, рук моих тепло в огромный Ледовитый океан» – метафоричная вершина построения стихотворения, а всё стихотворение – само совершенство – эстетика, красота.

Поэтика Леонарда Михайловича Золотарёва – это система художественных средств, искусство, цель которого воссоздать чувства поэта в стихах и передать их читателю, чтобы тот разделит с поэтом чувство понимания прекрасного. Духовное не исчезает. Так и связь поэта с читателем – это соединённость необыкновенно озарённых человеческих сердец, которая не исчезнет. А поэзия будет жить всегда.

Игорь ЗОЛОТАРЁВ